

ЯНА МОРН

ИСКРА
ДРАКОНА

Яна Морн
Искра Дракона

«Автор»

2026

Морн Я.

Искра Дракона / Я. Морн — «Автор», 2026

Меня вырвали из моего мира и приковали к дракону магическими узами. Он — владыка, не привыкший просить. Я — врач, не умеющая подчиняться. Но мой дар нужен его врагам, а моя жизнь зависит от него. И чем дольше я смотрю в его глаза, тем меньше хочу бежать.

© Морн Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	36

Яна Морн

Искра Дракона

Пролог

Будильник прозвенел в шесть сорок, но я к тому времени уже полчаса лежала без сна, вслушиваясь в то, как ноябрьский дождь лупит по жестяному отливу над окном, и звук этот был такой, будто кто-то методично сыпал с крыши горсть за горстью мелких гвоздей.

Вставать не хотелось до такой степени, что я честно попробовала уговорить себя заболеть — прислушалась к горлу, к вискам, проверила пульс на запястье и с досадой обнаружила ровные шестьдесят два удара в минуту, чёткие, как метроном, не оставляющие ни единой лазейки для прогула.

Пришлось выбираться из-под одеяла, и пол встретил ступни привычным ледяным укусом — в этом году батареи грели так, словно в котельной работали по одному часу через день, а в перерывах пили чай и смотрели телевизор. Я доковыляла до ванной, по пути на ощупь сдёрнув с вешалки старый махровый халат, который помнил ещё мои студенческие времена.

Напротив зеркала задержалась ровно на секунду, чтобы оценить масштаб бедствия: бледное лицо, тени под глазами, волосы, торчащие в разные стороны, будто после драки с подушкой, в которой подушка, кажется, одержала безоговорочную победу. Я подмигнула своему отражению и тут же отвернулась, потому что с некоторых пор предпочитала не разглядывать себя подолгу, особенно по утрам.

Ледяная вода из крана обожгла лицо, и, пока я растирала щёки, стараясь разогнать кровь, пальцы случайно задели цепочку на шее и скользнули к кулону — бабушкиной стрекозе, чей металл сегодня холодил кожу как-то иначе, не уличным ноябрьским холодом, а чем-то внутренним, глубинным, словно кулон промёрз насквозь сам по себе, без всякой помощи погоды.

Бабушка умерла пять лет назад — тихо, во сне, оставив мне только этот кулон и один странный секрет, о котором я почти не вспоминала в обычной жизни, но который то и дело напоминал о себе сам.

Воспоминание всплыло без спроса, как оно всегда делало в минуты затишья: мне семь лет, я прибегаю с улицы с разбитой коленкой, и бабушка, пахнувшая ромашкой и чем-то горьковато-травяным, усаживает меня на старый деревянный табурет, приговаривая «сейчас, стрекозка, сейчас», а потом её тёплые ладони накрывают ссадину, и из пальцев льётся золотой свет — живой, густой, похожий на разлитый мёд, — и боль тает прямо под кожей, ранка затягивается, не оставляя даже намёка на шрам. «Это наш секрет», — шепчет она потом, глаза у неё в тот момент не ласковые, а серьёзные, почти строгие, добавляет отдельно, по слогам, чтобы точно дошло до семилетней меня: «Никому. Никогда».

Я помню тот взгляд до сих пор — он возвращается ко мне каждый раз, когда в пальцах просыпается знакомое тепло.

К девяти утра я уже сидела в ординаторской, заполняя карты, день катился привычной колеёй — пациенты, осмотры, рецепты, стандартные жалобы на стандартные болячки, — пока на приём не зашёл молодой парень с красной сыпью на предплечье и не нарушил этот отлаженный, почти медитативный порядок.

Он был студентом, то ли второкурсником, то ли третьекурсником, судя по затёртому рюкзаку с логотипом политеха, запах табака от него шёл такой густой, будто он выкурил полпачки прямо перед дверью кабинета, пытаясь унять волнение. Пальцы у него заметно дрожали, и он

то и дело прятал их в карманы джинсов, но они снова выскальзывали наружу, теребя молнию на рукаве.

— Уже неделю, — сказал он, стягивая рукав толстовки, в голосе его мелькнула та особенная смесь смущения и надежды, с какой обычно приходят к врачу студенты, не привыкшие жаловаться. — Сначала думал, пройдёт.

Я взяла его за запястье, чтобы осмотреть воспаление, и в ту же секунду внутри проснулось оно — тепло, не моё и не чужое, заворочалось где-то глубоко в груди, скатилось в ладони и запульсировало на кончиках пальцев, настойчиво, требовательно, словно пёс, рвущий поводок при виде знакомой двери. Исцелить.

Парень смотрел на меня — доверчиво, открыто, даже не подозревая, что в двадцати сантиметрах от его воспалённой кожи происходит нечто, чему нет объяснения ни в одном медицинском учебнике и чему я сама не могу подобрать названия, хотя живу с этим уже много лет.

Я мягко отпустила его руку и отодвинулась вместе со стулом, превращая это движение в обычную врачебную паузу перед выпиской рецепта.

— Контактный дерматит, — произнесла я ровным голосом, уже заполняя бланк. — Мазь дважды в день, утром и вечером. Через неделю зайдёте на контроль, посмотрим динамику.

Он кивнул, забрал рецепт, закинул рюкзак на плечо, и уже у двери обернулся, улыбнувшись коротко и смущённо.

— Спасибо вам, доктор.

Когда дверь за ним закрылась, я перевернула ладони вверх и долго смотрела на них — по центру каждой багровели полумесяцы от ногтей, а я даже не заметила, в какой момент успела сжать кулаки с такой силой, что оставила следы. Бабушкин голос прозвучал в голове яснее, чем мой собственный: нельзя лечить, нельзя светиться, нельзя выделяться. Я сунула руки в карманы халата и пошла к следующему пациенту, надеясь, что рабочий день вытеснит из мыслей этот проклятый золотой свет, который с каждым годом становился всё настойчивее.

Вечером я возвращалась через двор одна, и фонарь над аркой, разумеется, не горел — когда он вообще горел в этом дворе? Лужи под ногами лишь угадывались по маслянистым отблескам чужих окон, в которых тут и там горел жёлтый уютный свет чужой нормальной жизни. Я почти поравнялась с подъездом, когда кулон на груди вдруг ожил.

Сначала пришёл холод. Я инстинктивно схватилась за металл пальцами, но тут же отдернула руку, потому что он обжигал морозом, словно раскалённый добела, только со знаком минус. А следом пошёл звук — тонкий, высокий звон, похожий на треск лопающегося от жара стекла, и он нарастал, заполняя собой всё пространство двора.

Телефон выскользнул из кармана, и я включила фонарик, поведя лучом вдоль мусорных баков, которые выстроились в ряд у дальней стены дома.

Синий свет пульсировал у самой земли — ритмично, навязчиво, будто билось сердце, закопанное под асфальтом. Воздух вокруг него сгущался, вибрировал, и от этой вибрации у меня начало ломить зубы, а к горлу подкатил комок тошноты.

Я попятилась, выставив перед собой руку, но опоздала на какую-то долю секунды.

Глава 1

Сознание возвращалось медленно, нехотя, как будто всплывало сквозь толщу тёплой, вязкой воды. Первым пришёл запах — горьковатый дым, смешанный с корицей, и в нём угадывалось что-то ещё, почти лекарственное, как в бабушкиной кладовке, где сушились травы. Следом накатило ощущение: по щеке проводили чем-то горячим и шершавым, размеренно и настойчиво, словно счищали грязь. Кто-то умывал меня, и в этом жесте не было ни ласки, ни угрозы — только спокойная, деловитая уверенность в своём праве.

Я с трудом разлепила веки и увидела кота. Он сидел на моей груди, рыжий, с густой шерстью, в которой путался странный, нездешний свет, и смотрел на меня без всякого выражения — так смотрят на незнакомый предмет, оценивая его полезность. Из глубины его зрачков сочилось золото, живое и тёплое, будто внутри горела крошечная свеча. Кот выдержал мой взгляд, затем неторопливо зевнул, и я увидела три ряда мелких, острых, как рыбы кости, зубов.

Мысль о том, что меня сейчас съедят, мелькнула где-то на периферии сознания, но не задержалась — тело ещё не решило, бояться ему или нет. Кот, по-видимому, тоже не решил, что со мной делать. Он ещё раз провёл языком по моей скуле — теперь почти нежно, — спрыгнул на землю и растворился в густых фиолетовых тенях, окружавших меня со всех сторон. Даже ветка не хрустнула.

Я осталась лежать, глядя в небо. В бирюзовое небо с двумя солнцами. Одно — бледное, жёлтое, словно выцветшая фотография. Второе — малиновое, пульсирующее, и от него по коже разбегались тёплые волны, а тени деревьев двигались, хотя ветра не было. Где-то на краю сознания мелькнула мысль, что так не бывает, но она утонула в звенящей пустоте, которая заменяла сейчас все мои мысли. Я просто лежала и смотрела, как переливаются рубиновым и индиго листья на деревьях с аметистовой корой, как серебряные жилы под этой корой мерцают, будто по ним течёт свет, и воздух покалывает кожу, словно перед грозой.

Сколько прошло времени, я не знала. Минута, час, день — всё смешалось в одну бесконечную, лишённую смысла череду цветов и ощущений.

Потом в этой тишине раздался звук — резкий, металлический, и я вздрогнула всем телом, будто меня ударили. Из-за деревьев вышли люди.

Их было пятеро. Они двигались бесшумно, несмотря на доспехи — тёмные, переливающиеся глубоким сине-фиолетовым, словно жидкий металл, который дышал в такт движениям. В руках они держали оружие, и остриё ближайшего клинка смотрело мне в грудь. Воины остановились в нескольких шагах, образовав полукруг, и принялись разглядывать меня с тем холодным, цепким вниманием, с каким рассматривают незнакомое оружие: опасно или нет, заряжено или холостое. За их спинами колыхались кроны, воздух искрился, и они казались частью этого чужого леса — такие же чужие, такие же опасные.

Я попыталась что-то сказать, но губы не слушались. Во рту было сухо, язык прилипал к нёбу. Вместо слов вырвался только сиплый, жалкий выдох. В голове звенело. Я видела их лица — напряжённые, замкнутые, — и не могла прочесть ничего, кроме одного: они не знают, кто я, и от этого зависит, останусь ли я в живых.

Высокий воин, стоявший впереди, чуть опустил клинок. Он смотрел на меня долго, не мигая, и в его глазах, тёмных, как омут, не было ни злобы, ни сочувствия — только расчёт.

— Ты кто? — спросил он наконец, и голос его прозвучал низко, глухо, без единой лишней интонации.

Я открыла рот, но ответ не приходил. Как объяснить, кто я? Какие слова подобрать, если я сама больше не понимала ничего?

— Я... — голос сорвался. Я сглотнула и попробовала снова. — Я не... Я не знаю...

Рыжий воин, стоявший справа, переглянулся с высоким. Его лицо было моложе, но такое же напряжённое, и рука, сжимавшая рукоять клинка, побелела от усилия.

— Как ты прошла? — спросил высокий, и теперь в его голосе появилось что-то новое — не угроза, но требование, от которого у меня внутри всё сжалось.

— Я не проходила, — прошептала я, и слёзы вдруг потекли по щекам — беззвучно, неостановимо. Я даже не заметила, когда начала плакать. — Меня... там была воронка... синяя... Я просто шла домой, а потом... Меня затянуло. Я ничего не делала. Клянусь.

Воины молчали. Мои слова повисли в воздухе, и я видела, как они переглядываются — быстро, скупно, обмениваясь какими-то своими, непонятными мне знаками.

Женщина с серебряными волосами, стоявшая по левую руку от высокого, вдруг шагнула вперёд. Она двигалась иначе, чем остальные, — медленнее, плавнее, словно не шла, а текла. Её глаза были белыми, совсем белыми, без зрачков, и смотрели они не на меня, а куда-то сквозь — так, будто видели не лицо моё, а что-то за ним или внутри него. Мне стало не по себе.

— Пелены, — произнесла она тихо, и голос её был как шелест сухих листьев. — Она прошла сквозь Пелены. Я чувствую на ней след. Свежий.

Высокий нахмурился. В его лице что-то изменилось — не страх, не злость, а скорее холодное недоумение человека, столкнувшегося с невозможным.

— Этого не может быть, — медленно, будто пробуя слова на вкус, произнёс он. — Пелены запечатаны.

— Значит, что-то изменилось, — ответила женщина, и её белые глаза наконец остановились на мне.

Рыжий выдохнул сквозь зубы и пробормотал что-то себе под нос — какое-то резкое слово на незнакомом языке, прозвучавшее как ругательство. Он перевёл взгляд на высокого, и в его голосе зазвенело напряжение:

— Если она прошла, то это не случайно. Либо её пропустили, либо... — он осёкся, не договорив.

— Либо она не та, за кого себя выдаёт, — закончил за него высокий и снова посмотрел на меня. Теперь в его взгляде читалась не просто оценка — вопрос, на который у него не было ответа.

— Ты понимаешь, где оказалась? — спросил он, и на этот раз в голосе прозвучала скорее усталость, чем враждебность.

Я покачала головой. Говорить всё ещё было трудно, но паника понемногу отступала, уступая место странному, отстранённому спокойствию — такому, какое, наверное, наступает, когда худшее уже случилось и бояться больше нечего.

— Это Астрариум, — сказал он. — Другой мир. И Пелены, через которые ты прошла, были закрыты. Никто не проходит сквозь них. — Он помолчал. — Никто, кроме тех, кого ведут.

— Меня никто не вёл, — прошептала я.

— Возможно, — ответил он, но прозвучало это так, будто он в это не верил.

Рыжий хотел что-то добавить, но осёкся и замер, прислушиваясь. В ту же секунду я почувствовала, как земля под ногами едва заметно дрогнула. Воины переглянулись, и их лица изменились — стали жёсткими, сосредоточенными, лишёнными всего лишнего. Оружие в их руках вспыхнуло холодным синим светом.

Высокий шагнул ко мне, взял за плечо — крепко, но не грубо — и отвёл к стволу дерева с серебристой корой.

— Стой здесь, — сказал он, и это было не предложение. — И молчи.

— Что происходит? — спросила я, чувствуя, как сердце снова начинает биться быстрее.

Он не ответил. Но вместо него заговорила женщина с серебряными волосами, и её голос, тихий и бесцветный, прозвучал страшнее любого крика:

— Тёмные. Они почуяли чужую магию. Идут по следу.

Воздух испортился сразу — пахло озоном и сладковатой гнилью, как в палате, где слишком долго лежал незамеченный некроз. Между деревьями сгустились тени, и из них выступили высокие, неестественно худые фигуры в плащах, колышущихся без ветра. Зелёный туман клубился у их ног, мерцая рунами.

А потом небо потемнело. Огромная тень накрыла лес, и я, забыв обо всём, подняла голову.

Дракон.

Чёрный, с чешуёй, вспыхивающей золотом в лучах малинового солнца. Его крылья перекрывали полнеба, и каждое их движение рождало низкий, вибрирующий гул, от которого дрожало где-то в груди. Глаза горели расплавленным рубином, и они смотрели прямо на меня — смотрели осмысленно, узнающе, и от этого становилось холодно внутри.

Рыжий воин встал рядом, заслоняя меня плечом, и впервые за всё время его голос прозвучал без тени враждебности — только усталая, горькая обречённость:

— Кажется, тебя тут ждали.

Дракон взревел. Звук обрушился на лес ударной волной, и земля содрогнулась, и листья посыпались с ветвей, и я зажмурилась, вжимаясь спиной в серебристую кору.

Глава 2

Кора дерева впивалась в спину даже сквозь одежду — холодная, шершавая, в мелких трещинах, которые я чувствовала каждой позвонкой. Я прижималась к стволу так, будто хотела врасти в него, исчезнуть, перестать быть мишенью, и старалась не дышать, потому что каждый вдох казался мне оглушительно громким, способным выдать нас всех.

Ревущая тишина после слов командира всё ещё звенела в ушах, и где-то глубоко в груди, в том месте, которое я привыкла считать пустым и спокойным, пульсировало странное тепло — тупое, настойчивое, чужеродное, как забытый осколок под кожей. Я не понимала, что это, и боялась думать об этом, потому что бояться сейчас нужно было совсем другого.

Воздух перед Тёмными задрожал, как над раскалённым асфальтом в июльский полдень, и зелёный туман, мерцающий мелкими рунами, потёк по земле, обволакивая корни деревьев, и там, где он проходил, кора чернела и съеживалась, будто из неё высасывали жизнь. Я видела это и не могла отвести взгляд, хотя всё внутри кричало зажмуриться и не смотреть, не видеть, не знать.

Рыжий воин, стоявший рядом, сжал моё плечо. Его пальцы дрожали — мелко, едва заметно, — но хватка была мёртвой, как у человека, который держится за единственную точку опоры.

— Тише, — прошептал он, и в этом шёпоте было столько напряжения, что я ощутила его кожей. — Любой звук...

Он не договорил, да это и не требовалось. Я и так понимала: любой звук — и нас обнаружат, любой шорох — и мы трупы, любое неосторожное движение — и всё закончится здесь, под двумя чужими солнцами, в лесу, которого нет ни на одной земной карте.

Тот, кто стоял в центре — самый высокий из Тёмных, — поднял руки. На его пальцах — длинных, неестественно бледных — темнели синеватые ногти, и он водил ими по воздуху так, будто рвал невидимую ткань, и там, где проходили эти движения, оставались светящиеся следы — яркие, болезненные для глаз. Я смотрела на них и чувствовала, как к горлу подступает тошнота: эти следы были неправильными, они нарушали что-то глубинное, какое-то базовое представление о том, как должен быть устроен мир.

Между его ладоней родилась синяя точка. Она росла, пульсировала, набухала светом и тьмой одновременно, а потом растянулась в вертикальную щель с рваными, кровоточащими краями, и изнутри донёсся звук — не то стон, не то вой, не то шёпот на тысячу голосов, который сверлил голову, сводил скулы и заставлял зубы ныть, как от кислоты.

Из портала хлынул ветер, пахнувший озоном, пылью и чем-то сладковатым — тем самым запахом, который висит в воздухе, когда слишком долго не убирают в морге, и этот запах был до того знакомым, до того земным, что на секунду мне показалось — я дома, я в больнице, я на работе, и сейчас прозвенит будильник, и всё закончится. Но вместо будильника из портала потекли они.

Существа. Я не знала, как их назвать, и мой мозг, привыкший раскладывать всё по категориям, беспомощно буксовал, не находя аналогов. Они двигались рывками, как сломанные куклы, у которых обрезали нитки, а потом связали заново — криво, наспех, не заботясь о том, чтобы конечности гнулись в нужные стороны. Глаза-бусины смотрели сразу во все стороны, и они визжали — пронзительно, тонко, так, что хотелось зажать уши и упасть на землю, свернуться клубком и никогда больше не слышать этого звука.

Тёмный вскрикнул — гортанно, резко, — и твари ринулись вперёд.

Командир шагнул им навстречу. Он не побежал — он именно шагнул, спокойно и весомо, как человек, который делал это сотни раз, и на его руках, прямо поверх доспехов, проступила чешуя — тёмная, плотная, переливающаяся в свете малинового солнца, а когти выросли на

глазах, и первая тварь, оказавшаяся на его пути, была разорвана пополам одним ударом. Она рассыпалась чёрной пылью, даже не успев закричать, и на её месте тут же возникли две новые.

Рыжий стрелял из лука — его стрелы вспыхивали в воздухе синим и взрывались, когда впивались в хитин, разбрасывая ошметки плоти, и он кричал что-то злое, торжествующее, чего я не могла разобрать за визгом тварей. Женщина с серебряными волосами стояла чуть поодаль, и её косички кружились сами по себе, словно живые существа, а ладони раскрылись, и с них сорвались молнии — белые, ослепительные, выжигающие тварей нацело, оставляющие после себя только горстки пепла и запах грозы.

— Щит! — крикнула она, и передо мной возникла мерцающая завеса, полупрозрачная, но плотная, как застывшее стекло, и вовремя — когтистая тварь ударила в неё с разбегу и отлетела, заскулив, как побитая собака.

Я прижалась к дереву, зажмурилась и попыталась исчезнуть. Просто перестать быть. Стать частью коры, частью корней, частью этой земли, которая пружинила под ногами и не принадлежала мне.

А потом небо взорвалось рёвом.

Я открыла глаза и увидела дракона. Того самого, чёрного, с золотыми прожилками на чешуе, которые вспыхивали в свете малинового солнца, как расплавленный металл. Он рухнул на землю всей своей огромной тяжестью, и земля содрогнулась, и я почувствовала этот удар всем телом — от пяток до макушки. Когти, каждый размером с мою руку, рвали тварей, будто те были из бумаги, а хвост сметал их десятками, разбивая о стволы, о камни, о воздух, и они разлетались чёрной пылью, не успевая даже закричать.

А затем дракон развернулся к portalу. Его грудь налилась алым, как тогда, перед первым рёвом, но вместо звука из пасти вырвался поток пламени — золотого с чёрными прожилками, плотного, почти осязаемого. Пламя ударило в синюю щель, и та задрожала, закорчилась, будто живое существо, которому причинили боль. Края портала сжались, смялись и лопнули с тихим, противным всхлипом, оставив после себя только дрожащий воздух и запах грозы.

Но Тёмный, призвавший тварей, не сдался. Я увидела, как его рука метнулась вперёд — резко, без замаха, — и в ней оказался клинок, сотканный из того самого синего холода, что шёл от воронки, из которой меня выбросило в этот мир. Он ушёл дракону в бок, туда, где чешуя была тоньше и где под ней угадывалось биение живого сердца.

Дракон замер. Его огромное тело содрогнулось — раз, другой, — я увидела его глаза, рубиновые, полные боли и какого-то почти человеческого недоумения, словно он не ожидал, что его можно ранить, словно за столетия привык к неуязвимости и теперь не понимал, что с ним происходит. Кровь хлынула на землю — алая, горячая, парящая в холодном воздухе, — и синий лёд клинка таял, шипел, смешивался с ней, превращаясь в ядовитое, дымящееся месиво.

Тёмный дёрнулся, его лицо — или маска, я так и не поняла, — треснуло посередине, и из трещины потекла чёрная, маслянистая жижа, густая и медленная, как смола. Он схватился за грудь, издал шипящий, предсмертный хрип и начал рассыпаться — сначала пальцы, потом руки, потом всё тело, и чёрный пепел осел на землю, смешиваясь с кровью и гарью, и ветер подхватил его и унёс куда-то в глубь леса, словно ничего и не было.

Наступила тишина — оглушительная, звенящая, какая бывает только после боя.

Я не помнила, как оказалась рядом с драконом. Ноги понесли сами — помимо воли, помимо страха, помимо всего, что я знала о себе и о мире. Кто-то кричал мне вслед, кто-то пытался остановить меня — женщина с серебряными волосами вскинула руку, и я почувствовала, как воздух передо мной сгустился, стал плотным, упругим, — но я прошла сквозь эту преграду, даже не заметив, как она лопнула и осыпалась невидимыми осколками.

Я упала на колени рядом с драконом. Чешуя под моими ладонями была горячее, почти обжигающей, и я чувствовала, как под ней бьётся сердце — огромное, мощное, но с каждым

ударом всё тише, всё медленнее. Клинок всё ещё торчал из бока, и вокруг него кожа чернела, и синий холод расползлся по телу дракона, как некроз по живой ткани.

Я закрыла глаза и выдохнула. Я не знала, не умела, никогда не делала этого осознанно, только рефлекторно — на разбитой коленке, на ушибленном мизинце, на ноющем запястье, которое лечила сама себе после долгой смены. Но сейчас этого было мало, и я понимала это с той ледяной ясностью, с какой врач понимает, что пациент умирает, и единственный шанс — попробовать то, чему не учили в медицинском.

Там, внутри, в груди, пульсировала нить — тёплая, золотая, знакомая и чужая одновременно. Она тянулась откуда-то из глубины меня — туда, к его ране. Осталась только пустота и этот свет.

— Держись, — прошептала я, и это было не ему, а себе, этой нити, этому свету, который уже поднимался изнутри и просился наружу.

Золотой свет хлынул из моих рук. Он обволакивал рану, латал рваные края, выжигал синий холод, и я чувствовала, как он работает — каждый миллиметр, каждую секунду, каждый толчок боли, который уходил из дракона и перетекал в меня. Это было больно. Не так, как болит рана, а иначе — так, будто из меня вытягивали жилы, выкачивали жизнь по капле, забирали самую суть.

Я закричала, но крик потерялся в шуме, который до сих пор стоял в ушах после боя.

Дракон застонал — глубоким, гортанным звуком, — и вдруг в этом стоне послышалось не страдание, а облегчение, как у человека, который долго нёс непосильную ношу и наконец опустил её на землю. А потом он начал меняться.

Чешуя бледнела, теряла цвет, становилась полупрозрачной. Крылья втягивались в спину, исчезали, растворялись. Хвост укорачивался и пропадал. Огромное тело сжималось, уменьшалось, перестраивалось — и это было не страшно, а завораживающе, как наблюдать за работой хирурга, который делает невозможное.

Передо мной лежал мужчина. Грудь тяжело вздымалась, лицо было бледным и искажённым болью, но даже сейчас, раненый и обессиленный, он выглядел опасным — так выглядит хищник, который ранен, но не приручён. Шрамы на плечах и груди, старые и белёсые, как линии на карте. Тёмные узоры под кожей, похожие на татуировки, которые двигались, перетекали, жили собственной жизнью.

Свет в моих руках погас. Силы ушли — резко, как гаснет лампочка, когда перегорает спираль. Голова закружилась, колени подкосились, и я рухнула рядом с ним на землю, даже не успев выставить руки.

Он открыл глаза. Чёрные, с золотыми искрами, которые мерцали в глубине, как звёзды в безлунную ночь. Он посмотрел на меня — не как на врага, а как на уравнение, которое он не мог решить.

— Как... — его голос был хриплым, едва слышным, и каждое слово давалось ему с усилием. — Как это возможно?

Его рука — сильная, с длинными пальцами, на которых ещё виднелись остатки чешуи — сжала моё запястье, и в тот же миг под его пальцами, на моей коже, будто изнутри, вспыхнул золотой узор. Он горел, пульсировал в такт его сердцу — или моему, уже не различала, — я почувствовала тепло, которое разлилось по всему телу, чужое, но странно родное, как голос, который слышишь во сне и не можешь вспомнить, кому он принадлежит.

Золотой свет вспыхнул снова — из моей груди, из моих рук, из самой кости, — и окутал нас обоих, слился с искрами в его глазах, и мир растворился в белизне.

Последнее, что я увидела, — его глаза, расширенные, полные шока и узнавания.

А потом я погрузилась во тьму.

Глава 3

Сознание возвращалось не рывками, а долгим, мучительным подъёмом — так всплывают сквозь толщу воды, когда в лёгких уже нет воздуха, а поверхность всё не показывается. Веки казались каменными, и когда мне наконец удалось их разлепить, над головой обнаружился каменный потолок — высокий, тёмный, которые слабо мерцали в неверном свете, сочившемся откуда-то сбоку.

Тело казалось чужим и непослушным. Внутри поселилась та особенная, глухая пустота, какая бывает после долгой болезни, когда жар уже спал, а сил не осталось вовсе — только звон в ушах и тяжёлая, ватная слабость. В запястьях пульсировала боль — тупая, глубинная, и под ней угадывалось что-то чужое, горячее, чего там быть не должно. Я попыталась приподняться хотя бы на локте, но мышцы не отозвались, и от этого сделалось по-настоящему страшно.

— Не двигайтесь, — раздался рядом спокойный голос, и я скорее увидела боковым зрением, как надо мной склонилась женщина с серебряными волосами — та самая, из леса, чьи белые глаза смотрели тогда сквозь меня, будто видели не лицо, а что-то под ним. Её тонкие косички слегка шевелились, хотя воздух в комнате был совершенно неподвижен. Бледные пальцы парили над моим запястьем, не касаясь кожи, и от них струился прохладный, чуть покалывающий свет, от которого боль притуплялась, но голова начинала кружиться сильнее.

— Энергетический канал ещё слишком слаб, — произнесла она, и её голос звучал ровно, без интонаций — так, будто она зачитывала диагноз. — Вы едва не выжгли его до основания.

— Я Лилия, — произнесла, собственный голос показался мне скрежетом: горло пересохло так, что каждое слово царапало его изнутри. — Где я?

— Илирия, — ответила она, и её губы сложились в нечто, отдалённо похожее на вежливую улыбку, в которой, однако, не было ни капли тепла. — Можно Лира. Я целительница этого замка.

Она не спросила о самочувствии — то ли уже знала ответ, то ли не считала нужным спрашивать. Вместо этого поднесла к моим губам тёмную чашу, и я сделала глоток, не думая о том, что мне могут дать яд. Жидкость обожгла язык, но почти сразу по телу разлилась прохлада — резкая, до мурашек, — и в запястьях на мгновение вспыхнуло так ярко, что я зажмурилась.

— Вы в Родовом Утёсе, — сказала Лира, забирая чашу. — Цитадели господина Артикина.

Имя отозвалось в груди не мыслью, а теплом — тем самым, что выплеснулось из моих рук в лесу. Я не понимала, почему это происходит, и от непонимания становилось только тревожнее.

Я огляделась, насколько позволяла непослушная шея. Комната была огромной и пугающе чужой: чёрные стены из гладкого камня, холодный блеск которого не смягчали ни ковры, ни картины, ни какие-либо признаки того, что здесь кто-то живёт. Единственной деталью, нарушавшей этот суровый порядок, была глубокая трещина в стене напротив — длинная, изломанная, она рассекала камень от пола почти до самого потолка, будто кто-то когда-то полоснул по нему когтями в слепой ярости. Больше всего это походило на затянувшийся шрам, который оставили не телу — дому.

Кровать под балдахином из тёмного бархата казалась не местом для отдыха, а постаментом, на который положили нечто ценное и велели не трогать.

Дверь распахнулась без стука. Он вошёл — высокий, широкоплечий, в простой тёмной одежде, которая не скрывала, а скорее подчёркивала ту сдержанную, дремлющую силу, что читалась в каждом его движении. Тот самый дракон. Его лицо ничего не выражало — ни радости, ни тревоги, ни любопытства, — но глаза, чёрные с золотыми искрами, смотрели прямо на

меня, и от этого взгляда запястье обожгло жаром. Золотой узор, появившийся в лесу, вспыхнул снова, и я почувствовала его тепло сквозь кожу — живое, ритмичное, бьющееся в такт сердцу.

— Господин Артикин, — Лира выпрямилась, и её лицо мгновенно стало бесстрастным, как у человека, который привык не показывать эмоций перед вышестоящими.

Он кивнул — коротко, почти незаметно, — и она вышла, закрыв за собой дверь так тихо, что я не услышала шагов.

Мы остались вдвоём. Он подошёл к кровати бесшумно, но в каждом его шаге чувствовалась та самая сила, которая никуда не делась, даже несмотря на рану. Я заметила, что он чуть придерживает правое плечо — там, где в него вонзился ледяной клинок, и где теперь, как я догадывалась, не осталось и следа.

— Ты пришла в себя, — произнёс он, и его голос, низкий и ровный, был скорее констатацией факта. — Хорошо.

— Кто вы? — спросила я. Губы всё ещё пересохли, и слово «вы» прозвучало сипло.

— Моё имя Артикин. Я владыка Северных Земель.

— А я... где я нахожусь?

— В моей цитадели. Тебе ничего не угрожает.

Он говорил так, будто это всё объясняло — и кто он, и где я, и почему я должна чувствовать себя в безопасности. Но я не чувствовала. Я лежала в чужой постели, в чужом мире, под взглядом чужого мужчины, и пыталась понять, с какого момента моя жизнь перестала мне принадлежать.

— Твоё вмешательство было безрассудным, — продолжил он, и в его голосе мне почудилось что-то похожее на отстранённое удивление. — Но эффективным. Я жив благодаря тебе. Прими мою благодарность.

— Я лечу людей, — ответила я, и слова вышли автоматически, как заученная формула. — Это моя работа. Меня зовут Лилия.

Он посмотрел на меня с лёгким любопытством — так смотрят на незнакомый инструмент, который внезапно оказался полезным. Затем сделал шаг ближе, и узор на моём запястье загорелся сильнее, почти до боли. Я отдёрнула руку и прижала её к груди, чувствуя, как сердце начинает биться чаще.

— Ты — моя пара, — сказал он спокойно, будто сообщал погоду.

Я смотрела на него, пытаюсь найти в его лице хоть намёк на шутку или бред — что-то, что объяснило бы мне смысл услышанного.

— Что? В каком смысле — пара?

— Метка, — он указал на мою руку. — Она связала нас. Ты принадлежишь мне, а я — тебе. Такова воля богов.

В голове, всё ещё мутной после пробуждения, мысли заматались, как испуганные птицы. Метка. Узор на коже, которого не было до леса. Он появился, когда я исцелила его, — вспыхнул под его пальцами, горячий и чужой. Я попыталась ухватиться за этот факт, разложить его, как симптом. Этиология неизвестна. Патогенез неясен. Возможна связь с выбросом магической энергии. Возможна психосоматическая реакция на стресс. Возможна...

— Я вам не принадлежу, — произнесла я, и голос дрогнул, но не сорвался. — Мы даже не знакомы. Вы не можете просто взять и...

— Могу, — перебил он, и в этом коротком слове не было ни угрозы, ни злости — только та спокойная, не терпящая возражений уверенность, от которой у меня внутри всё сжалось. — Без моей защиты ты не выживешь в этом мире. Ты слишком слаба для него и при этом слишком ценна. Если ты смогла исцелить такую рану, как моя, за тобой будут охотиться все, кто знает, что означает такая сила.

Я сжала кулаки. Ногти впились в ладони, и эта боль была почти приятной — она возвращала меня в реальность, не давала утонуть в панике.

— Вы не можете меня удерживать. Я живой человек, а не ваша вещь. Я хочу домой.

Он посмотрел на меня — секунду, другую, — и в его глазах что-то мелькнуло, но я не успела понять, что именно: тень эмоции скользнула по лицу и исчезла, как не было.

— Твой дом теперь здесь, — произнёс он, и это не было ни приказом, ни утешением, а чем-то средним — констатацией, с которой бесполезно спорить. — Со временем ты поймёшь. Связь сама сделает своё дело.

В этот момент дверь приоткрылась, и в щель просунулась рыжая голова — тот самый воин из леса, который сжимал моё плечо, пока Тёмный рвал небо порталом. Он бросил быстрый взгляд на меня, потом на Артикина, и в его глазах читалось что-то среднее между тревогой и почтением.

— Господин. Совет Старейшин требует аудиенции. Немедленно.

— Совет подождёт, — ответил Артикин, не оборачиваясь.

Рыжий замялся. Было видно, что он предпочёл бы оказаться где-нибудь в другом месте — на поле боя, в лазарете, да где угодно, лишь бы не между своим господином и разгневанными старейшинами.

— Они настаивают. Из-за того, что случилось в лесу... и из-за неё.

Артикин помолчал. Тишина в комнате стала густой и вязкой. Затем он медленно повернулся к рыжему.

— Я сказал — подождут.

В его голосе не было угрозы, но воин исчез так быстро, будто его сдуло ветром. Дверь закрылась с тихим, тяжёлым щелчком, и мы снова остались вдвоём.

Артикин повернулся ко мне. В его глазах не было жестокости — только холодная, непоколебимая уверенность, от которой у меня внутри всё переворачивалось.

— Отдыхай, Лилия. Тебе нужны силы, чтобы принять то, что неизбежно.

Он развернулся и вышел, и дверь закрылась за ним.

Меня начала бить дрожь — внезапная, сильная, до стука зубов. Я обхватила себя руками и лежала так, чувствуя, как колотится сердце где-то у самого горла. Пара. Судьба. Дом. Слова крутились в голове обрывками чужого разговора и отказывались складываться в понятную картину. Я попыталась думать как врач: исключить эмоции, оценить факты. Факт первый: я в другом мире. Факт второй: на запястье появилась метка неизвестной этиологии. Факт третий: мужчина, которого я исцелила, утверждает, что эта метка означает связь. Гипотеза: магический аналог симбиотической реакции на исцеление. Прогноз: неясен. Лечение: неизвестно.

Научный подход не помог. Метка пульсировала ровным золотым светом, и в этом ритме было что-то неумолимое — что-то, что не укладывалось ни в один учебник. Она напоминала, что я больше не принадлежу себе.

Глава 4

Время в комнате тянулось иначе, чем на Земле. Я лежала, глядя в каменный потолок, и считала трещины, чтобы занять мозг хоть чем-то, кроме мыслей о том, что будет дальше. Трещин оказалось тридцать четыре. Я пересчитала дважды и оба раза сбилась на двадцатой — мысли всё равно просачивались, как вода сквозь пальцы, и возвращались к одному и тому же: чужой мир, чужая комната.

Дверь открылась бесшумно, Артикин вошёл, остановившись на пороге так, что комната сразу стала теснее. Он не делал для этого ничего специального: просто стоял и смотрел, и воздуха вокруг становилось меньше. Его взгляд скользнул по моему лицу, затем опустился к запястью, где под кожей пульсировало золото.

— Через два часа Совет, — произнёс он. — Будь готова.

— А если я не пойду? — спросила, и собственный голос прозвучал резче, чем хотелось. Страх, копившийся всё это время, искал выход, и злость оказалась ближайшей дверью.

— Тогда ты дашь им повод считать тебя врагом, — ответил он без тени раздражения. — Ты — моя пара. Я не позволю тебе навредить. Но и ты не мешай мне тебя защищать.

Он сделал короткую паузу и добавил — так, будто это было очевидно:

— Просто будь там. Говори правду, всё остальное я возьму на себя.

— Легко сказать, — я сжала пальцы в кулак. — Ты не на моём месте.

— Нет, — он уже отступил к двери, но на мгновение задержался. — Но я постараюсь сделать всё, чтобы ты не пожалела, что оказалась здесь.

Дверь закрылась, и тишина, навалившаяся следом, была хуже любого звука. Воздух в комнате словно застыл — плотный с привкусом того, что ещё не случилось, но уже неотвратимо.

Стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Я села на кровати и пригладила волосы — всё равно бесполезно.

— Войдите.

В комнату вошла девушка с медными кудрями, уложенными в строгую причёску, которая, однако, не делала её старше. Простое серое платье сидело ладно, но скромно, а в руках она держала стопку мягких полотенец и глиняный кувшин с узким горлышком.

— Госпожа Лилия, — она поклонилась. — Меня зовут Анна. Мне поручено помочь вам подготовиться к Совету. Пройдёмте.

Она провела меня через скрытую в стене арку, которую я раньше не заметила. В центре, высеченная из цельного тёмного камня с серебристыми прожилками, стояла купель, и вода в ней светилась изнутри чистым голубым светом. Лёгкий пар струился над гладью, и всё вместе напоминало иллюстрацию к сказке, которую мне читали в детстве, — только сказка была чужой.

— Это вода из Источника Глубин, — пояснила Анна, и в её ровном голосе прорезался едва заметный трепет. — Она помогает телу восстановиться.

Я разделась и погрузилась в воду, которая приняла меня, как живая, — обняла теплом и словно начала вытягивать напряжение, копившееся в мышцах с того самого момента, как синяя воронка вырвала меня из подворотни. Я закрыла глаза и позволила себе просто дышать.

— Вы давно в цитадели? — спросила я, когда тишина стала слишком тяжёлой.

Анна улыбнулась, поправляя полотенца на каменной скамье.

— С детства. Моя мать служила здесь до меня.

Я помолчала, собираясь с духом. В голове крутилось слово, которое произнёс Артикин, — «пара», — но смысл его ускользал.

— Анна... господин Артикин сказал, что я его пара. Для драконов это что-то значит? Что вообще означает — быть чьей-то парой?

Анна замерла. Кувшин в её руках на мгновение застыл над скамьей, а потом она медленно поставила его и выпрямилась. В её глазах мелькнуло что-то — не страх, а скорее осторожность, какая бывает у людей, которых просят рассказать то, о чём не принято говорить вслух.

— Это... судьба, госпожа, — произнесла она наконец, тщательно подбирая слова. — Для дракона его пара — единственная женщина на всю жизнь. Самая... подходящая, что ли. Та, кого выбрали боги. Они связаны меткой — вот как у вас на руке, — и могут чувствовать друг друга даже на расстоянии. Где бы ни был, знаешь, жив он или нет, и сердцем к нему тянет. Так мама рассказывала.

Я опустила взгляд на своё запястье, где под водой золотой узор мерцал особенно ярко.

— А разорвать эту связь можно?

Рука Анны дрогнула. Она быстро отвернулась к столику и принялась перебирать полотенца, хотя те лежали идеально ровно.

— Зачем вам такое думать, госпожа? — голос её прозвучал глухо, и в нём послышалась неподдельная тревога. — Говорят, кто пытался — терял рассудок. Будто часть души отрывали.

Она замолчала и, не оборачиваясь, добавила почти шёпотом:

— Не спрашивайте меня больше об этом. Пожалуйста. Я и так сказала больше, чем следует.

Повисла тишина — уже не тяжёлая, а какая-то печальная. Я смотрела на ссутулившиеся плечи Анны и чувствовала, как внутри разрастается холод. Значит, сказки были не просто сказками. И то, что Артикин назвал «волей богов», другие называли приговором.

Спустя время Анна помогла мне одеться. Платье, которое она принесла, было из тёмно-синего бархата, расшитого причудливой серебряной вышивкой по рукавам и подолу, — тяжёлое, но красивое той чужой, суровой красотой, какая, видимо, ценилась в этих краях. Анна застёгивала застёжки с тщательной неторопливостью, то и дело поправляя складки и отступая на шаг, чтобы оценить результат. Прежней тревоги в её лице уже не было — она спряталась обратно под маску почтительной служанки.

— Вы выглядите... великолепно, — тихо сказала она, расправляя последнюю складку на плече.

Я хотела ответить, но не успела — дверь снова распахнулась. На этот раз без стука, но и без грубости, просто быстро, как входят люди, которым некогда. На пороге стоял рыжий воин, тот самый, что прикрывал меня в лесу и потом докладывал о Совете. Его веснушчатое лицо расколола широкая улыбка, и он шагнул в комнату, будто был здесь хозяином.

— Ну наконец-то, — выдохнул он, переводя взгляд с Анны на меня. — А я уж думал, опоздаю и господин с меня шкуру спустит. Приветствую. Я Тайрен, из Кровавого Крыла, — добавил он с усмешкой, заметив мой недоумённый взгляд. — Господин Артикин поручил мне отвести вас на Совет. Скажу честно, я бы предпочёл, чтобы мне поручили что-нибудь попроще — но приказы не обсуждаются.

— Лилия, — ответила я, принимая его протянутую руку. Ладонь у него оказалась горячей и сухой, а рукопожатие — крепким.

— Лилия, — повторил он, пробуя имя на вкус. — Хорошее имя. Нездешнее, но звучит. Так, — он оглядел меня с головы до ног, но без намёка на что-то неприличное, просто оценивая подготовку, — выглядите как надо. Совету понравится. Ну, не всем. Там половина собравшихся вообще не умеет радоваться, по-моему, у них мышцы лица атрофированы.

Он подмигнул и повёл меня к двери. Я невольно отметила, что рядом с ним дышалось легче — не потому, что он был особенно деликатен, а потому, что от него исходило что-то простое и настоящее, как от старого друга, которого знаешь сто лет, хотя видишь впервые.

Уже в коридоре он чуть сбавил шаг и заговорил тише:

— Послушайте, Лилия... на Совете главное — не бояться. Они, конечно, все важные и древние, но вы — истинная пара господина Артикина, а это не просто слова. — Он покосился на меня и пояснил: — Истинная пара — это редкость. Такую связь боги дают, её не разорвать. Для драконов это... священно. Так что пока вы с ним связаны, никто вас пальцем не тронет.

Я кивнула, переваривая новую информацию. Истинная пара. Значит, у этой связи есть название, и оно что-то значит для местных. Что ж, по крайней мере, теперь я знала, как это называется.

Я сжала его локоть чуть крепче, чем собиралась, и почувствовала, как страх понемногу отступает, уступая место холодной, расчётливой сосредоточенности. Ладно. Раз я здесь, раз я чья-то истинная пара, — придётся играть по их правилам. Хотя бы до тех пор, пока я не пойму, как из этой игры выйти.

Зал Совета встретил меня холодом и мраком. Громадные своды терялись в тенях, и каменные стены, казалось, давили самым своим присутствием — не на плечи, а на что-то глубже. Четыре трона стояли полукругом, и на них сидели четыре фигуры, от которых веяло древней, пугающей силой.

Артикин занимал центральный трон из чёрного обсидиана. Его поза была расслабленной, но пальцы впились в подлокотники с такой силой, что побелели костяшки. Его взгляд нашёл меня сразу, едва я переступила порог, — тяжёлый, предупреждающий.

Справа от него сидела женщина в струящихся сиреневых шелках, бледная, почти прозрачная, и её белые глаза без зрачков смотрели сквозь меня, как будто видели не лицо, а что-то внутри. Слева — дракон в багровом одеянии цвета запёкшейся крови, с грубым, покрытым шрамами лицом и узкими жёлтыми глазами, которые сверлили меня с ледяной враждебностью. Напротив расположился сухой, поджарый дракон в строгом тёмно-зелёном камзоле, сидевший прямо, как копьё; его маленькие, ярко-зелёные глаза сканировали меня, выискивая малейший признак слабости.

Тишина давила. Чужие взгляды — любопытные, враждебные, оценивающие — впились в кожу, и я почувствовала, как пересохло во рту.

— Приблизься, пришла, — голос дракона в багровом одеянии прокатился по залу низким, утробным раскатом.

Я сделала шаг вперёд. Ноги слушались плохо.

— Как ты прошла сквозь Пелены? Кто тебя вёл?

— Никто не вёл, — ответила я, и голос, к собственному удивлению, прозвучал ровно. — Меня вырвало из моего мира и выбросило в ваш лес. Против моей воли.

— Против воли? — переспросил он, и в его глазах блеснуло что-то похожее на насмешку. — Пелены не открываются случайно. Кто помог тебе?

— Дарквен, — холодный, точный голос женщины в сиреновом разрезал пространство. Её пальцы сомкнулись на аметисте, вправленном в ожерелье, и камень вспыхнул фиолетовым изнутри. — Артефакт молчит. Она не лжёт.

Дракон в тёмно-зелёном камзоле медленно выпрямился и сложил пальцы домиком.

— Это мало что меняет, — произнёс он сухо, и его голос напоминал шелест старой бумаги. — Если Пелены пропустили её, значит, в них появилась брешь. Или кто-то эту брешь проделал. В любом случае, она — угроза.

— Я не просилась сюда, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает гнев. — Меня вырвали из моего мира, из моей жизни. У меня был дом, работа, пациенты, которым я нужна. А теперь я здесь, и вы называете меня угрозой только за то, что я существую?

— Ты лекарь? — Красный дракон прищурился.

— Да. Я врач. И я понятия не имею, почему оказалась здесь. Но я не враг вам. Я просто хочу домой.

— Хочешь домой, — повторил красный дракон, и его жёлтые глаза сузились.

Он опёрся подбородком о кулак и добавил, не скрывая брезгливости:

— Твои слова сейчас мало что значат. Пелены не ошибаются, а ты здесь. Значит, либо ты врёшь, либо тебя прислали. В любом случае, нужно решить, что с тобой делать.

— Совет решит, — перебил его Артикин, поднимаясь.

Он не повысил голоса, но в зале мгновенно стало тихо. Воздух сгустился, как перед грозой.

— Она — моя истинная пара, — произнёс он, и эти слова прозвучали как приговор. — Связь подтверждена меткой. Кто хочет оспорить — пусть скажет сейчас.

Глава 5

Тишина в Зале Совета стала густой, почти осязаемой. Она продержалась всего мгновение — ровно до того, как золотые узоры на моих запястьях вспыхнули в ответ на шаг Артикина. Свет от них заиграл на полированном камне пола, и я инстинктивно отдернула руки, прижимая их к груди, но было поздно.

Все трое правителей кланов поднялись одновременно. Их глаза — от холодного голубого до ядовито-зелёного — сузились, узнавая знак.

Первым молчание нарушил красный дракон, тот, что сидел слева от Артикина в багровом одеянии. Его лицо, грубое и изборозждённое шрамами, потемнело ещё сильнее.

— Не может быть, — пророкотал он, и голос его прозвучал как дальний подземный гул.

Пальцы красного впились в подлокотники так, что камень под ними жалобно затрещал. Следом заговорила женщина в сиреновом — она склонила голову первой, и её белые глаза смотрели на мои запястья с каким-то новым выражением, которого я раньше не видела.

— Метка Истинной Пары, — произнесла она тихо, и в её голосе прорезалось что-то почти благоговейное. — Я чувствую древнюю кровь. Она пульсирует, как живая. Такой силы я не встречала никогда.

Она выпрямилась и посмотрела мне в глаза — впервые за всё время не сквозь, а прямо.

— Для драконов это священо. Истинная Пара — дар, который выпадает раз в тысячелетие. Мой клан признаёт связь. Пусть она будет нерушима.

Рядом поднялся третий — сухой, поджарый дракон в тёмно-зелёном камзоле. Его ярко-зелёные глаза смотрели на меня внимательно, но без враждебности, как на уравнение, которое нужно решить.

— Мой клан не возражает, — сказал он спокойно. — Истинная Пара — это всегда усиление крови. Утёс получит новые возможности. — Он сделал короткую паузу и добавил сухо: — Надеюсь, они того стоят.

Артикин, до этого стоявший неподвижно, наконец сдвинулся с места. Один шаг вперёд — и всё внимание зала снова приковано к нему.

— Совет признал связь, — его голос прозвучал громко и чётко, перекрывая возможные возражения. — Откуда она пришла и как оказалась здесь — больше не имеет значения. Она — моя пара, и этого достаточно. Вопросы о её прошлом закрыты.

Он обвёл взглядом троны, задерживаясь на каждом из правителей.

— Сильра. Вейлор. Вашу позицию я понял.

Его взгляд утяжелился, остановившись на красном драконе.

— Дарквен. С твоей — тоже.

Дарквен лишь хрипло фыркнул, и из его ноздрей вырвался едкий серный дым.

Сильра повернулась ко мне. Её белые глаза сузились, и по коже побежали мурашки.

— Ты знаешь, кто на вас напал в лесу? — спросила она.

Я покачала головой.

— Тёмные маги. Прислужники Мор'гаэль.

— Мор'гаэль? — переспросила я. Имя ничего не сказало, но прозвучало тяжело, как камень, упавший в воду.

— Древняя богиня, — пояснила Сильра. — Вернее, то, что от неё осталось. Наши предки заточили её в вечный сон. Но слуги не оставляют попыток разбудить.

Она сделала паузу, и я поняла, что сейчас прозвучит что-то страшное.

— Они думают, что ты можешь это сделать. Твоя сила — та, что исцелила Артикина, — для них как ключ.

— Разбудить? — прошептала я, чувствуя, как холодеют пальцы. — Чтобы она...

— Уничтожила нас, — закончила Сильра без драмы, просто констатируя факт. — Первым делом — драконов. Так что да, дитя. На тебя теперь будут охотиться.

В груди всё перевернулось. К горлу подкатил комок.

— И вы тоже хотите меня использовать? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Эта ваша связь, этот дар... вы про детей, да? Чтобы я рожала воинов?

Сильра не отвела взгляда. В её белых глазах не было ни зла, ни сочувствия — только спокойная, холодная правда.

— Мы хотим выжить, — сказала она. — Дети Истинной Пары — это будущее Утёса. Для нас — надежда. Для тебя — честь.

— Честь? — я горько усмехнулась. — Меня вырвали из моего мира против воли, затащили сюда, связали с человеком, которого я знать не знаю, а теперь говорят, что я кому-то что-то должна. И это называется честью?

— Ты хоть понимаешь, что тебе дано? — прорычал Дарквен, и его жёлтые глаза полыхнули. — Такие, как ты, веками молятся о подобном даре. А ты смеешь жаловаться?

— Довольно.

Артикин сошёл с трона. Одно движение — и воздух стал густым, тяжёлым. Его тихий голос прозвучал отчётливо, как удар стали о камень.

— Связь признана. Обсуждать нечего.

Его взгляд на секунду впился в Дарквена.

— Совет окончен.

Он повернулся ко мне.

— Идём.

Его рука легла на спину — не грубо, но твёрдо. Прикосновение обожгло, метки на запястьях вспыхнули в ответ, и я дёрнулась, пытаюсь выскользнуть, но его пальцы лишь сильнее сжались. Я чувствовала на спине тяжёлый взгляд Дарквена, пока мы шли через бесконечные каменные коридоры, и воздух становился холоднее с каждым шагом.

Он остановился перед резной дубовой дверью.

— Это твоя комната, — сказал он, открывая её. — Мои покои рядом. Здесь ты будешь в безопасности.

Я отпрянула, прижимаясь спиной к косяку.

— Твои покои? Рядом? — Я сглотнула ком в горле. — Найди мне комнату в другом крыле.

Артикин посмотрел на меня устало. Мой испуг, кажется, был для него очередной необъяснимой загадкой.

— Это самые безопасные покои в цитадели, — произнёс он ровно, но в уголке его рта дрогнула мышца. — Ты будешь жить здесь.

— Безопасные? — я сжала кулаки, чувствуя, как дрожь пробирается по телу. — Или удобные? Чтобы твоя пара всегда была под рукой?

Он резко развернулся и отошёл к камину. Несколько секунд стоял молча, глядя на пламя, и я видела, как напряжены его плечи.

— Ты в опасности, — сказал он наконец, не оборачиваясь. — Тёмные уже пытались тебя забрать. Здесь ты под защитой.

Он повернулся, и его взгляд стал тяжелее.

— Или ты думаешь, мне нужна женщина, которая смотрит на меня как на тюремщика? Мне нужна живая пара.

Его слова прозвучали как приговор — не злой, но окончательный.

— И это всё? — мой голос сорвался на шёпот. — А то, что я чувствую? Тебе наплевать?

Он медленно обернулся, и в его глазах не было гнева — только усталое недоумение, будто я говорила на незнакомом языке.

— Сейчас не время для чувств, — сказал он. — Пока за стенами охотятся тёмные, мы должны думать о выживании.

Я горько усмехнулась.

— Отлично. Тогда давай просто разорвём эту связь. Наверняка есть способ.

Он шагнул вперёд — один стремительный шаг, — и оказался передо мной, заслоняя собой полмира. В его глазах вспыхнули золотые искры.

— Ты не понимаешь, о чём просишь, — произнёс он, и его голос прозвучал ниже обычного. — Связь нельзя разорвать без ущерба для нас обоих. Ты здесь. Это неизменно. И чем быстрее ты примешь это, тем легче будет нам обоим.

Я не ответила. Просто стояла и смотрела на него, чувствуя, как внутри разрастается холод. Он не понимал. Никто из них не понимал. Они видели метку, связь, дар — и не видели меня.

Он отступил к двери.

— Тебе нужно отдохнуть и понять этот мир, — сказал он, и его голос прозвучал глухо. — Завтра поговорим.

Дверь закрылась с тихим, но окончательным щелчком.

Я осталась одна. Подошла к огромному окну, прижала ладонь к холодному, идеально гладкому стеклу. За ним расстился чужой мир — тёмный, огромный, полный опасностей, о которых я ещё даже не догадывалась. Где-то там, за этими стенами, меня уже искали. А здесь, внутри, меня называли парой, надеждой, ключом — и никто не спросил, чего хочу я сама.

Я опустила взгляд на запястья. Метки горели ровным золотым светом, и я чувствовала его — где-то за стеной, в соседней комнате, — живого, усталого, чужого. Нить между нами пульсировала, как обещание, от которого нельзя отказаться.

Глава 6

Проснулась я от запаха — сладковатого, с горьковатой ноткой воска и пепла, который просачивался в комнату откуда-то из глубины замка и смешивался с утренним светом, лившимся сквозь высокое окно. Метки на запястьях пульсировали слабо, без боли, одним только глухим теплом, и я, ещё не открыв глаз, почувствовала, как натянулась и замерла та самая невидимая нить, что тянулась от меня к Артикину. Он был где-то недалеко — не в соседней комнате, но в пределах цитадели, — и от этого знания хотелось одновременно отодвинуться подальше и прислушаться внимательнее.

Я стиснула зубы и заставила себя отогнать эти мысли. Не сейчас. Сейчас нужен был завтрак и несколько минут тишины, в которые никто не будет вторгаться с судьбой, долгом и прочей драконьей торжественностью.

Словно в ответ на мои мысли, в дверь постучали — негромко, деликатно, совсем не так, как входили здесь все остальные.

— Войдите.

Анна появилась на пороге с подносом, и её утреннее лицо показалось мне чуть более домашним, чем вчера: медные кудри выбились из-под чепца, а на фартуке красовалась вышивка — маленький дракончик с кривоватым крылом, явно сделанный детской рукой. От этого несоответствия — суровые стены, древняя магия и нелепый дракончик на фартуке — на душе стало немного теплее.

— Доброе утро, госпожа, — Анна поставила поднос на столик у окна, и по комнате поплыл запах свежей выпечки и мёда. — Булочки с корицей и мёдный чай. Господин Артикин просил проследить, чтобы вы непременно позавтракали.

— После вчерашнего я настолько ценная собственность, что за моим завтраком нужен надзор? — спросила я, но рука сама потянулась к тёплой булочке, и в голосе не было настоящей злости — только усталая ирония, которая, кажется, становилась моим способом обороны.

Анна покачала головой, и в её обычно сдержанных глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Нет-нет, госпожа, что вы. Господин Артикин просто... беспокоится. — Она на мгновение замаялась, а потом, наклонившись чуть ближе, добавила доверительным шёпотом: — Если бы вы видели, как он вчера вечером заявился в пекарню, — все работницы аж подпрыгнули. Три раза заставлял переделывать тесто, каждый кусочек пробовал, будто от этого зависела судьба мира.

Я невольно хмыкнула, представив себе эту картину: огромный мрачный дракон, владыка Северных Земель, стоит в пекарне, перемазанный мукой, и хмурится, пробуя очередную булочку. Что-то в этом было до нелепости человеческое, и на мгновение мне стало чуть легче.

Я оделась в синий сарафан, который Анна предусмотрительно оставила на спинке стула, и села к окну, в зеркале напротив поймала своё отражение: бледное лицо, синяки под глазами, волосы, с которыми явно нужно было что-то делать. Красавица. Ни дать ни взять.

В этот момент дверь распахнулась с таким грохотом, что я вздрогнула и едва не выронила чашку, а чай опасно плеснулся через край.

— О, ты уже проснулась! — Тайрен ворвался в комнату с той же мальчишеской улыбкой, с какой вчера вёл меня по коридорам, и у меня мелькнула мысль, что этот рыжий вихрь, кажется, вообще не умеет входить в помещение иначе как с шумом.

— Ты всегда так врываешься? — выдохнула я, пытаюсь отдышаться.

— Только когда это того стоит, — подмигнул он, грациозно разворачиваясь на каблуках, и я заметила на его скуле старый, белёсый шрам, которого не разглядела раньше. — Господин

Артикин ушёл по делам клана, так что сегодня я к твоим услугам. И, судя по твоему лицу, моё появление определённо того стоило.

— Ты невыносим, — сказала я, но без злости.

— Знаю, — охотно согласился он. — Это моё главное достоинство.

Он протянул мне чашку, которую я едва не уронила, и его пальцы случайно коснулись моих. От прикосновения по коже пробежало что-то горячее — не магия, а скорее обычный жар, какой бывает у человека с быстрой кровью, — но я всё равно инстинктивно отдернула руку, и чай снова плеснулся. Тайрен на секунду замер, его зрачки сузились, став на миг вертикальными, а потом снова сделались обычными, круглыми, и он уже улыбался как ни в чём не бывало.

— Ты давно служишь Артикину? — спросила я, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Тайрен откинулся на стуле, приняв небрежную позу, но плечи его остались напряжёнными — как у человека, который привык ждать нападения даже в минуты покоя.

— Три года, — он усмехнулся и сделал глоток из моей чашки, явно не спрашивая разрешения. — Уже знаю, где он прячет вино и как довести его до крика.

Он фыркнул, и прямо в воздухе между нами вспыхнула маленькая золотистая искра — совсем крошечная, с ноготь размером. Тайрен досадливо смахнул её с рукава и вздохнул.

— Ой, извини. Господин Артикин просто обожает, когда я поджигаю его ковры. У него, кажется, целая коллекция запасных — специально для меня.

Уголки моих губ дёрнулись против воли.

— Ладно, — сказал он уже серьёзнее, отставляя чашку. — «Служу» — громко сказано. На самом деле мой глава клана, Дарквен, мечтал прикопать меня где-нибудь на границе, но потом решил отправить на перевоспитание сюда.

Он щёлкнул пальцами, и на кончике вспыхнуло маленькое пламя — живое, танцующее.

— Одна искра — и пол-архива превратилось в пепел. А там были документы, которым лет триста, не меньше. Дарквен заявил, что это вандализм. Разгневался так, что стены тряслись. Орал, что я хуже горного ящера и что таким, как я, место не в клане. — Он замолчал, глядя в окно, и голос его стал тише. — Но спасибо и на том: Лейру, мою сестру, он со мной не сослал. Определил к Сильре, в Академию. Учится там. А я вот... перевоспитываюсь.

Он отодвинул пустую чашку и откинулся на спинку стула, и в его медных глазах уже не было прежней игривости — только тихое, спокойное любопытство.

— Ну, теперь твоя очередь, — сказал он негромко. — Что это был за свет? Тот, которым ты вытащила Артикина. Я такое впервые видел. Это ведь не просто так, да?

Я отвела взгляд, принявшись смахивать невидимые крошки со скатерти — просто чтобы чем-то занять руки.

— Я была врачом, — начала я тихо, подбирая слова, потому что никогда раньше не говорила об этом вслух. — Обычным врачом. На Земле нет магии, понимаешь? Совсем. Я даже не знала, что могу такое... пока он не упал рядом. Раньше, конечно, получалось — ну, затянуть ссадины, царапины, боль снять. Мелочи. Я думала, это просто... способность, какой-то врождённый талант. — Я сцепила пальцы в замок. — Бабушка говорила, что дар надо скрывать. Что если узнают — меня заберут. Но я думала, это просто страшилки. А теперь...

Я замолчала, глядя на свои ладони. Тайрен молчал, и это молчание было не неловким, а скорее внимательным — как будто он слушал не только слова, но и то, что стояло за ними.

— В здешней библиотеке, — произнёс он наконец, и его голос прозвучал небрежно, но я уловила в нём какую-то новую, напряжённую ноту, — есть один старый манускрипт. Про род целителей. Алмазных, кажется.

— Мы... — мой голос сорвался, и я сделала вдох, заставляя себя говорить чётко. — Мы можем посмотреть его сейчас?

Тайрен встал, и на его лице появилась та самая авантюрная ухмылка, которую я уже успела запомнить.

— Конечно. Если ты готова к маленькому приключению.

Он протянул руку, я взяла её, и в этот миг воздух за окном взорвался хлопком крыльев — таким мощным, что стёкла задрожали в рамах и тонко зазвенели. Я вздрогнула, но Тайрен, прислушавшись на секунду, лишь усмехнулся и мотнул головой в сторону двери.

— Патруль. Кого-то из наших занесло слишком близко к замку. Я уж думал, опять Тёмные.

Он сжал мою руку чуть крепче, и в этом пожатии мне почудилось обещание, за которое я пока не готова была благодарить, но за которое уже была благодарна.

— Пойдём, — сказал Тайрен. — Библиотека ждёт.

Глава 7

Тайрен говорил о библиотеке с такой уверенностью, что это передалось мне прежде, чем я успела опомниться. Мы вышли в коридор, миновали двух стражников, застывших у поворота, и начали спускаться по широкой мраморной лестнице, уходившей куда-то в глубину Утёса. С каждым шагом воздух становился прохладнее, и к вездесущему запаху камня примешивался новый — сухой, чуть терпкий запах старого дерева и пергамента.

Тайрен толкнул массивные дубовые двери, украшенные серебряными рунами, и я замерла на пороге.

Библиотека оказалась не комнатой — целым миром под куполом, расписанным незнакомыми созвездиями. Бесконечные ярусы полок с фолиантами в тёмных переплётках поднимались к самому своду, а в воздухе парили хрустальные сферы с голубым пламенем внутри, и их свет отбрасывал на стены дрожащие тени, в которых угадывались очертания драконов — не то фрески, не то живые воспоминания, застывшие в камне.

— Ну как тебе? — Тайрен развёл руками, и его голос гулко отозвался под сводами. — Здесь есть всё, что нужно. В том числе и то, что тебе пригодится.

Он уверенно направился к дальнему стеллажу, порылся на полке и достал небольшой манускрипт в переплётке из чёрной мерцающей чешуи, обёрнутый тканью цвета старой охры.

— «Род Алмазных Целителей. Хроники Силы Жизни», — прочитала я вслух. Книга была тяжёлой и странно тёплой на ощупь.

— Откуда она у тебя?

Тайрен почесал затылок.

— Лейра, сестрёнка. Она в Академии у Сильры учится, у неё доступ к закрытым архивам. Наткнулась на упоминания в древнем списке забытых родов, а когда слухи о тебе дошли, сразу мне написала. Ну я и нашёл. Пыли, правда, сдул тонну. Эту книгу, по-моему, лет двести не открывали.

Он фыркнул, и из ноздрей у него вырвалась крошечная золотистая искорка. Я невольно улыбнулась.

— Передай Лейре спасибо. И тебе. Это правда важно для меня.

— Пустяки. — Он махнул рукой, плюхнулся на стул и закинул ногу на ногу. — Слушай, а сколько тебе вообще лет? Выглядишь совсем юной.

— Двадцать восемь.

Тайрен уставился на меня, потом хмыкнул и покачал головой.

— Двадцать восемь. С ума сойти. А мне двести семьдесят семь. Я тут перед тобой как старик сажу.

— Двести семьдесят семь? — у меня перехватило дыхание.

— Ну да. Но ты не переживай. Ты маг, и сильный, а маги живут веками. — Он кивнул на мои запястья. — А с Истинной Парой твоя жизнь может растянуться до драконьей. Артикину, между прочим, под четыреста. Так что у вас всё впереди.

Меня передёрнуло. Четыреста лет. Я сжала кулаки, и метки на запястьях отозвались глухим теплом.

— На Земле люди сами решают, с кем им быть. Сами выбирают. А здесь...

Тайрен посмотрел на меня — без усмешки, серьёзно.

— Понимаю. Здесь иначе. — Он помолчал и вдруг сменил тон: — Ладно, расскажи что-нибудь. Как ты вообще жила там, у себя? Чем занималась?

Я на мгновение задумалась.

— Лекарем была. У нас это врач называется. Лечила людей, только без магии. На Земле магии нет вообще.

— Совсем-совсем нет? — он прищурился. — И как же ты тогда справлялась?

— Руками, знаниями, лекарствами. Люди и без магии неплохо обходятся, представь себе.

— Я слабо улыбнулась. — Случалось, конечно, всякое.

Он чуть наклонился вперёд.

— Например?

Я задумалась, перебирая в памяти годы практики, и улыбка стала шире.

— Был у нас один пациент, мужчина лет шестидесяти, с болями в животе. Осмотрели, анализы взяли — ничего серьёзного, диета и покой. А он выслушал всё это и говорит: «Доктор, дайте мне справку, что мне нельзя есть пироги». Я сначала не поняла, а потом выяснилось — у него тёща каждые выходные приезжает и привозит свои фирменные пироги с капустой. Он их терпеть не мог, но отказаться боялся. Вот и придумал такой выход. Мы ему выписали справку, а через неделю он вернулся с цветами. «Доктор, — говорит, — вы мне жизнь спасли».

Тайрен фыркнул, потом засмеялся в голос, и я не выдержала — тоже рассмеялась. Мы смеялись, забыв обо всём.

— Справка от пирогов, — выдохнул он, утирая слезу. — Жаль, у нас такие не выписывают.

Дверь открылась. Не с грохотом — просто отворилась, но хрустальные сферы под куполом дрогнули, а воздух в зале мгновенно стал плотнее. На пороге стоял Артикин.

Он был в простой чёрной рубашке, расстёгнутой у горла, с растрёпанными волосами, и на скуле у него алела свежая царапина. Под глазами залегли тени. Его взгляд скользнул по моему лицу, потом — по Тайрену, и в этом взгляде не было ни угрозы, ни вопроса. Только тяжёлое, неподвижное внимание, от которого Тайрен перестал улыбаться и медленно поднялся со стула.

— Господин Артикин, — произнёс он ровно, без дрожи, но и без прежней лёгкости.

Артикин не ответил. Он перевёл взгляд на меня — на мои покрасневшие от смеха щеки, на сбившееся дыхание, — и что-то в его лице изменилось: не злость, а сухое, холодное недовольство, какое бывает у человека, заставшего беспорядок в собственной гостиной.

Тайрен, видимо, почувствовал это раньше, чем я успела осознать. Он кашлянул и шагнул к двери.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал он, и это прозвучало буднично, как если бы он просто вспомнил о неотложном деле. — Совсем забыл — у меня там на кухне... дела, да точно.

Он махнул рукой и выскользнул за дверь, которая закрылась за ним с мягким щелчком. Я осталась одна напротив Артикина, чувствуя, как тишина в зале становится почти осязаемой.

Артикин не двигался. Его взгляд, в котором ещё тлели угли ярости, был прикован ко мне, но постепенно золотой огонь погас, сменившись тяжёлой усталостью. Он подошёл к столу, где лежал манускрипт, и кончиками пальцев провёл по чёрной чешуе переплёта — почти нежно, как прикасаются к старым ранам.

— Нашла, что искала? — спросил он, и голос его прозвучал хрипло.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Он открыл книгу, и страницы сами зашелевели под его пальцами, останавливаясь на изображении молодой женщины.

— Я просто хотела понять... — начала я, но голос сорвался.

— Свой дар, — закончил он тихо. Его пальцы легли на страницу рядом с моими, и по руке разлилось тепло. — Мариэлла. Из рода Алмазных Целителей. — Он посмотрел на портрет, потом на меня. — У неё твои глаза.

— Эта женщина очень похожа на мою бабушку, — выдохнула я. — Только молодая.

Он помолчал, глядя на портрет, потом закрыл манускрипт и отошёл к соседнему стеллажу. С минуту всматривался в корешки, затем достал другую книгу — массивную, в переплёте из потемневшей кожи, с металлическими застёжками, которые открылись сами, едва он к ним прикоснулся.

— Это «Книга Начала», — сказал он, возвращаясь к столу. — Здесь записано то, что драконы рассказывают детям. То, с чего всё началось.

Он раскрыл книгу. Страницы были заполнены не только текстом, но и иллюстрациями — старыми, почти выцветшими, но всё ещё живыми. Артикин провёл ладонью над одной из них, и рисунок на мгновение потеплел, краски стали ярче.

— Когда мир был молод, им правили двое: Эрезиль и Мор'гаэль. Супруги. — Он коснулся изображения мужчины с золотыми волосами и женщины с глазами цвета грозового неба. — Эрезиль был богом света, Мор'гаэль — богиней тьмы. Они держали равновесие.

Он перевернул страницу.

— А потом Эрезиль встретил Лираэль. Она была духом ветра. — На новой иллюстрации женщина с развевающимися волосами стояла на краю утёса, а вокруг неё кружились молнии. — Он полюбил её, и от этой любви родились мы.

— Драконы? — прошептала я.

— Да. Из бури. — Он показал на следующую страницу, где крошечные дракончики падали из облаков, как капли дождя. — Мор'гаэль узнала не сразу. А когда узнала... она не вынесла. Не от ненависти. От боли.

Он замолчал, и я увидела, как дрогнули его пальцы на странице.

— Она решила, что раз любовь привела к предательству, то любовь нужно уничтожить. И начала с нас. Эрезиль не мог убить её — она была частью его. Он погрузил её в сон. — Он перевернул ещё одну страницу, и я увидела богиню, уходящую в камень, и печати, смыкающиеся вокруг неё. — Но её обида оказалась сильнее. Она нашла тех, кто услышал её шёпот. Магов, которые видели в нас узурпаторов. Они стали Тёмными. Они верят, что если пробудить Мор'гаэль, она уничтожит драконов и вернёт миру тех, кого они называют истинными правителями.

— И они думают, что я могу это сделать? — спросила я, чувствуя, как холодеют пальцы. Артикин закрыл книгу и посмотрел на меня — устало, без золотого огня в глазах.

— Думают. Твоя сила для них — ключ. Через неё можно достучаться до Мор'гаэль и сломать печати. Поэтому они пришли за тобой в лес. Поэтому придут снова.

В этот момент дверь приоткрылась, и в проёме показался Тайрен с подносом, заваленным фруктами и пряниками. Он замер на пороге, переводя взгляд с меня на Артикина и обратно, и по его лицу скользнула тень — он явно понял, что вошёл не вовремя, но отступать было поздно.

— Простите, — произнёс он, и голос его прозвучал тише обычного. — Я только хотел оставить поднос. Подумал, вам может пригодиться.

Артикин медленно выпрямился, и в этом плавном, почти ленивом движении было что-то неумовимо опасное — он не повысил голоса, не сделал ни одного резкого жеста, но воздух в зале сгустился так, что у меня заложило уши. Несколько секунд он просто смотрел на Тайрена, и в этом тяжёлом, неподвижном молчании скопилось больше угрозы, чем в любом окрике.

— Ты, кажется, числишься в восточном дозоре, — произнёс он наконец, и каждое слово упало тяжело, как камень в воду. — Или я что-то путаю?

Тайрен замер, не донеся поднос до стола, и пальцы его дрогнули — пряник, тот самый, что он отломил мне минуту назад, скатился на пол и раскрошился о каменную плиту.

— Никак нет, господин, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я как раз собирался заступить...

— Собирался, — перебил его Артикин, и в его тоне прорезалась та самая сталь, от которой у меня мурашки побежали по коже. — Ты собирался, а восточная граница стоит без наблюдения. Ты носишь пряники, пока твой пост пустует. Ты развлекаешь беседой мою пару, пока твои обязанности лежат невыполненными.

Он шагнул к Тайрену — один шаг, плавный и страшный, — и остановился в полуметре от него, глядя сверху вниз. Золото в его глазах вспыхнуло с новой силой, и я увидела, как побелели костяшки его пальцев, сжатых в кулак.

— Ты не мальчишка, Тайрен. Ты воин моего крыла, и я жду, что ты будешь вести себя соответственно. — Он выдержал паузу, и в наступившей тишине было слышно только потрескивание хрустальных сфер под куполом. — Или мне напомнить тебе, что бывает с теми, кто забывается?

Тайрен побледнел, но выдержал взгляд и не отступил.

— Никак нет, господин. Разрешите отправиться на пост?

Артикин смотрел на него ещё мгновение — долгое, вязкое, полное невысказанного, — потом медленно, словно через силу, разжал кулак и отступил на шаг.

— Проверишь каждую скалу. Лично. Доклад — мне.

Тайрен коротко кивнул, развернулся и вышел, не сказав больше ни слова. Дверь закрылась за ним с тем же мягким, окончательным щелчком, что и прежде.

Артикин повернулся ко мне. Золото в его глазах ещё дрожало, но уже начало гаснуть, и он на секунду прикрыл веки, опершись ладонью о край стола, словно хотел убедиться, что мир всё ещё стоит на месте, а потом выпрямился.

Глава 8

— Зачем ты так с ним? — спросила я, и голос прозвучал тише, чем мне хотелось бы, но в гулкой пустоте библиотеки он разнёсся от сводов до последнего стеллажа.

Он стоял напротив меня — после всего, что случилось, после того, как дверь за Тайреном закрылась, а он сам опёрся о стол и выпрямился, — и теперь смотрел куда-то в сторону, на полку с книгами, будто не мог заставить себя встретиться со мной взглядом.

— Тайрен знает свои обязанности, — произнёс он наконец, и голос его был ровным, как у человека, который очень старается, чтобы он звучал именно так. — Он должен был быть на посту, а не здесь.

— И поэтому ты готов сослать его на край света? За то, что он поговорил со мной? — Я скрестила руки на груди. — Что ты в этом увидел такого? Мы просто сидели и смеялись. Понимаешь? Мне было хоть немного легче, а ты...

Он резко выпрямился, и я осеклась. Не потому, что испугалась, — скорее потому, что он наконец перевёл взгляд на меня, и я увидела его лицо. В нём не было гнева — точнее, гнев был, но он сидел где-то глубоко, придавленный сверху усталостью и чем-то ещё, чему я не могла подобрать названия.

— Дело не в том, что он с тобой говорил, — сказал он медленно, и каждое слово давалось ему с видимым усилием. — Дело в том, как он это делал.

Он снова отвёл взгляд, и я заметила, как дрогнули его пальцы, сжатые в кулак, а потом медленно, словно через силу, разжались.

— Я дракон. Я привык к тому, что мои приказы не обсуждаются, а границы не нарушаются. Когда кто-то переступает черту, я реагирую... резко. Но с тобой всё иначе. — Он выдохнул и покачал головой. — Я не хочу, чтобы ты меня боялась.

Я не сразу нашлась, что ответить. Потому что он смотрел на меня и ждал — не угрозы, не подчинения, а просто ответа.

— С тобой непросто, — сказала я, и голос мой был усталым, без злости, но с той честностью, которая режет больнее любого крика. — Ты давишь, даже когда молчишь. Ты решаешь за меня, ты смотришь на меня — и я чувствую себя не человеком, а обязательством. С тобой хочется держать дистанцию, потому что ты сам её выстроил.

Он не отвёл взгляд. Просто стоял и слушал — и это было, наверное, самым неожиданным из всего, что он делал до сих пор.

— Я не умею иначе, — произнёс он наконец, и в этих словах не было ни гордости, ни оправдания — только усталая, выстрадавшая честность. — Четыреста лет я жил один, и меня это устраивало. Я не знал, что можно иначе. А теперь ты здесь, и я... я не знаю, что делать. Как подойти, как говорить. Я вижу, что тебе плохо, и не понимаю, как сделать так, чтобы было лучше. Я вижу, что ты отгораживаешься от меня, и не знаю, как через это пробиться.

Он шагнул ко мне — один шаг, осторожный, будто ступал по льду, — и остановился, не дойдя совсем немного.

— Я не чудовище, Лилия. Я не хочу, чтобы ты видела во мне чудовище. — Он помолчал и добавил тише: — Сегодня, после заката, в саду, на западной террасе. Давай просто поужинаем. Никаких обязательств, никаких разговоров о долге и Совете. Просто... мы вдвоём.

Я смотрела на него — на этого огромного, уставшего, сбитого с толку дракона, который только что впервые в жизни, кажется, признался в собственной беспомощности, — и чувствовала, как внутри что-то медленно, нехотя отпускает.

— Хорошо, — сказала я, и собственный голос показался мне незнакомым. — Я приду.

Он не улыбнулся — только выдохнул, и я увидела, как опустились его плечи, будто с них сняли невидимый груз.

— Я буду ждать тебя после заката.

Я шла по коридорам Утёса, и шаги мои звучали гулко в пустоте. «Я не умею иначе» — его слова всё ещё стояли в ушах, и я прокручивала их снова и снова, пытаюсь понять, в какой момент мой гнев начал отступать. Наверное, тогда, когда он сказал, что не хочет меня пугать. Или тогда, когда признался, что не знает, как со мной говорить. Владыка Северных Земель, которому подчиняются драконы и трепещут старейшины, — и он не знает, как говорить с одной-единственной женщиной из другого мира. Это было почти смешно. И почти трогательно.

Я всё ещё злилась на него за Тайрена. И за то, что он думает, будто имеет право решать, с кем мне общаться. Но теперь к этой злости примешивалось что-то ещё — понимание, которое я не готова была принять, но от которого уже не могла отмахнуться. Он не был идеальным, он был властным, резким, вспыльчивым, но не был чудовищем. И он только что попросил у меня шанс — так, как просят не врага, а человека, мнение которого вдруг стало важным.

Перед дверью в мои покои я остановилась и прислонилась лбом к прохладному дереву. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле. Я дала слово. И теперь мне предстояло его сдержать.

В моих покоях было тихо, и эта тишина после гулких коридоров показалась мне почти оглушительной. Я прошла к гардеробу и распахнула тяжёлые створки — буйство тканей и красок, шёлк, парча, бархат, самоцветы, роскошь, о которой на Земле я не могла и мечтать. Пальцы скользнули по прохладной глади и остановились на простом платье из серебристо-серого шёлка — скромный вырез, длинные рукава. Оно напоминало мне то, что я могла бы надеть дома, в своём мире, где не было драконов и меток на запястьях.

Я переоделась и подошла к высокому зеркалу. Из отражения на меня смотрела женщина с раскрасневшимися щеками и слишком ярким блеском в глазах, и я вдруг поймала себя на мысли: «А понравится ли ему?» — и тут же рассердилась на себя за эту мысль.

— Я оделась так исключительно ради себя, а не ради него, — пробормотала я вслух и отвернулась от зеркала.

На широком мраморном подоконнике что-то шевельнулось. Кот, пепельно-серый, с гигантскими клыками и холодными зелёными глазами, — сидел, свернувшись, и смотрел на меня с невозмутимостью, граничащей с насмешкой.

— Ну и чего уставился? — проворчала я, подходя к окну и опускаясь на край подоконника. — Дурочка наряжается на свидание с тем, кто считает меня своей по праву судьбы. Смешно, правда?

Кот медленно потянулся, демонстрируя клыки, и лениво облизнулся, ничуть не впечатлённый моей исповедью. Потом прыгнул, бесшумно подошёл и начал тереться о мои ноги — мягкой головой, тёплым боком, и я невольно опустила руку, чтобы погладить его по спине. Под пальцами заурчало — низко, глубоко, успокаивающе.

— Он просто невыносимый, — сказала я коту, продолжая гладить его.

Кот заурчал громче и прикрыл глаза, и в этом мурлыканье мне послышалось что-то вроде одобрения. Я вздохнула и в последний раз провела ладонью по его тёплой шерсти.

Свет за окном почти погас, уступая место индиговым сумеркам, и времени на колебания больше не оставалось.

Путь к Западной Террасе вёл через сады Утёса. Я шла по узкой дорожке из светящегося камня, петляющей среди кустов с листьями цвета аметиста и серебра, и воздух был густым и сладким от аромата ночных цветов. Их огромные бархатные бутоны раскрывались, наполняя сумерки благоуханием, а где-то в траве стрекотали невидимые насекомые, и последние лучи малинового солнца цеплялись за вершины гор, окрашивая небо в пурпур и золото. С каждым шагом тревога смешивалась с ожиданием — тягучим, почти сладким, — и я уже не пыталась отделить одно от другого.

Западная Терраса открылась передо мной как уютное убежище. Мраморные плиты под ногами были тёплыми, нагретыми за день, а низкая каменная ограда, увитая тёмно-синими лианами со звёздчатыми цветами, отделяла террасу от бездны, в которой клубился вечерний туман. Стол, накрытый у самой ограды, выглядел щедро и приглашающе: несколько сортов хлеба и лепёшек, деревянная доска с разными сырами, тарелки с копчёным мясом, рулетиками из птицы и маленькими пирожками, филе рыбы под соусом, миска с тушёными овощами и грибами, корзина с фруктами — знакомыми и диковинными — и напитки в глиняном кувшине и прозрачном графине, а рядом — мёд, масло, орехи.

Артикин стоял спиной ко входу, у самого края террасы, опираясь ладонями о парапет. Его силуэт, чёткий и мощный в простой тёмно-синей льняной рубахе, рисовался на фоне угасающего багрянца.

Мой шаг по гравию прозвучал громче, чем хотелось, и он обернулся — не резко, а плавно, как будто ждал этого звука. Его взгляд нашёл меня, скользнул по лицу, задержался на сером шёлке платья, вобравшем последние отсветы заката, и в его глазах не было привычного льда — было что-то иное, глубже и теплее.

— Ты пришла, — произнёс он, и голос его был ровным, спокойным, без тени прежнего триумфа. Только глубокое удовлетворение и что-то ещё, чего я не могла назвать. Он кивнул в сторону стола. — Надеюсь, найдётся что-то по твоему вкусу. Ты, наверное, голодна.

— Я же сказала, что приду, — ответила я, чувствуя, как смущение сковывает язык, и перевела взгляд на стол, ища спасения.

Он чуть помедлил, прежде чем ответить, и в его голосе послышалась лёгкая, почти неуловимая нотка неуверенности.

— Я не знал, что ты предпочитаешь. Попросил принести всего понемногу. Надеюсь, что-то тебе понравится.

Он отодвинул для меня стул — простое, человеческое движение, которое в его исполнении выглядело почти непривычно, — и я села, всё ещё чувствуя, как колотится сердце, но уже не пытаясь его унять.

Глава 9

Мы молча подняли бокалы, и вино оказалось тёмным, терпким и обжигающе горьким. Я сделала глоток, чувствуя, как тепло медленно разливается по жилам, а тишина, повисшая над столом, была уже не враждебной и не настороженной — скорее задумчивой, наполненной тем, что мы оба пока не решались произнести вслух.

Он тоже отпил, но медленнее, и его взгляд скользил по моему лицу с тем осторожным любопытством, с каким разглядывают сложную головоломку, которую раньше видели только издали. Потом он пододвинул ко мне деревянную миску с мелкими плодами, похожими на виноград, и сказал без тени приказа в голосе, просто предлагая:

— Попробуй соларные ягоды. Они тут почти у каждого куста растут, но эти, кажется, ничего.

Вкус оказался неожиданным и приятным — сладким с кислинкой и чем-то ещё, напоминающим цитрус, — и я невольно зажмурилась от удовольствия. Он заметил это и, кажется, остался доволен, потому что весь оставшийся ужин продолжал в том же духе: пододвигал то пирожок с мясом горной козы, то кусок сыра с ореховыми нотками, тихо комментируя, что вот это лучше есть горячим, а сыр делают в Нижних пещерах, где, говорят, особая плесень. Мы не касались ни одной из тем, что ждали нас за пределами этой террасы, и в этом молчании за едой было что-то удивительно мирное — как будто мы оба решили взять передышку от войны, судьбы и меток на запястьях.

Когда я наконец отодвинула тарелку, он мягко спросил, и в его голосе прозвучал тот самый неподдельный интерес, которого я никак не ожидала:

— Расскажи мне о своём мире. Там ведь всё иначе, да?

Вопрос застал меня врасплох. Я помолчала, пытаясь нащупать слова, которые смогли бы перекинуть мост через пропасть между нашими мирами.

— У нас нет магии. Вообще, — начала я. — Люди научились обходиться без неё. Вот у вас повозки тащат лошади, а у нас... машины. Железные повозки, которые едут сами. Без лошадей, без заклинаний — просто едут.

Он нахмурился, но ничего не сказал, и я продолжила, чувствуя, как слова путаются от невозможности объяснить то, что здесь не с чем сравнить.

— А ещё есть самолёты. Огромные железные машины, которые летают по небу, и внутри сидят люди. Как... как драконы, только не живые. Мы сами их строим. Садись в такую машину — и через несколько часов она переносит тебя через весь мир.

— Через весь мир? — переспросил он, и в его голосе не было насмешки, только попытка вместить услышанное в рамки возможного. — Без магии?

— Без магии, — подтвердила я, невольно улыбнувшись его изумлению. — Это сложно объяснить. Мы просто долго учились понимать, как устроен мир.

Он покачал головой, переваривая, а потом снова поднял на меня глаза — и теперь в них читалось что-то новое: глубокое, почтительное уважение, которое он, кажется, сам ещё не до конца осознавал.

— Но если у вас нет магии, — заговорил он медленно, будто всё ещё складывал куски головоломки, — то как ты стала лекарем? Как можно лечить без дара?

— У нас все лечат без дара, — ответила я. — На Земле вообще ни у кого нет магии. Но люди всё равно болеют, и кто-то должен им помогать. Я выбрала это дело и училась много лет. Он замер, не донеся бокал до губ.

— Ты хочешь сказать, что могла исцелять людей... знаниями?

— Это целая система, — я наклонилась чуть вперёд. — Ты изучаешь тело, узнаёшь, что у него внутри, почему болит, и помогаешь — снадобьями, мазями, иногда просто руками. Как ты знаешь, куда ударить, чтобы выиграть бой, так я знаю, куда надавить, чтобы снять боль.

Он долго молчал, и я видела, как в его голове перестраивается картина мира, в котором целительство всегда было даром богов. Наконец он произнёс тихо, и голос его прозвучал теплее, чем раньше:

— А кто тебя ждал дома? — спросил он после паузы.

— Никто, — ответила я, и голос прозвучал ровно, хотя внутри что-то дёрнулось. — Бабушка умерла пять лет назад. Родителей я не помню. Так что... никто.

Он не стал говорить пустых утешений — просто замолчал рядом, и в этом молчании было больше понимания, чем в любых словах. А потом тихо произнёс:

— Здесь немного душно. Прогуляемся? Тут тропинка хорошая.

Мы сошли с террасы на узкую дорожку, усыпанную светящимся гравием, и прохладный воздух сада, напоенный ароматами трав и ночных цветов, остудил моё разгорячённое лицо. Он шёл рядом, так близко, что его плечо иногда почти касалось моего, и это молчаливое соседство странным образом успокаивало — как будто мы оба решили, что слов на сегодня уже достаточно.

Дорожка сузилась, и я, засмотревшись на какие-то светящиеся бутоны, запнулась о выступающий корень. Он даже не вздрогнул — просто его рука в ту же секунду сжала моё запястье, твёрдо и уверенно. На мгновение мы застыли, и в темноте я увидела, как его глаза вспыхнули золотым — не от гнева, а от какой-то острой, мгновенной тревоги, которая тут же погасла, когда он понял, что я не упала. Он сразу разжал пальцы, как будто обжёгся, но тепло его прикосновения осталось на коже.

— А ты? — спросила я, чтобы разрядить внезапно сгустившееся молчание и заодно скрыть собственное смущение. — У тебя есть семья?

Он помедлил, и я заметила, как напряглись его плечи.

— Уже нет. Родители погибли. Осталась только сестра.

Мы прошли ещё несколько шагов, прежде чем он заговорил снова, но теперь его голос звучал иначе — тише, глуше, словно каждое слово приходилось выталкивать силой.

— Она замужем за Дарквеном. — Он выдохнул это имя, а не произнёс, будто оно обжигало горло.

— Это был её выбор? — спросила я тихо.

— Она сказала, что влюбилась. — В его голосе прорезалась тупая, бессильная боль. — Дарквен красив, умеет говорить, окружил её вниманием... Совсем девчонка. А теперь она привязана к нему, и я ничего не могу изменить, потому что всё ещё верит в свою любовь. А он этим пользуется.

Я ничего не ответила, только смотрела на него, и в этот момент он показался мне не владыкой, а просто уставшим мужчиной, который потерял слишком многих.

— Мне очень жаль, — прошептала я, и это действительно было так.

Он осёкся и замолчал, глядя куда-то в темноту

Мы вышли на небольшую смотровую площадку, с которой открывался вид на долину, утопавшую в серебристо-лиловой мгле. Где-то далеко, у самого горизонта, ещё догорали последние отблески малинового солнца.

Артикин молчал, глядя вниз, и я чувствовала, что он собирается с силами, прежде чем заговорить снова.

— Твоя бабушка... — произнёс он наконец, и голос его стал мягче, почти осторожно. — Ты сказала, её звали Мария?

— Да. А что?

— Мариэлла, — поправил он тихо, и в его произношении имя зазвучало как что-то знакомое и дорогое, как мелодия, которую он не слышал много лет. — Я знал её, Лилия. Очень давно.

Я почувствовала, как что-то холодное пробежало по спине.

— Откуда ты...

— Мой отец умирал, — перебил он, и я увидела, как он подбирает слова — не чтобы смягчить правду, а чтобы она не раздавила меня своей тяжестью. — Ни один целитель не мог помочь. А она пришла и вытащила его. Он потом до конца своих дней говорил, что обязан ей жизнью, и велел мне помнить это имя.

Он замолчал и посмотрел на меня с выражением, в котором было что-то совсем новое: глубокая, застарелая благодарность, смешанная с болью.

— А потом она исчезла. Со своей маленькой внучкой, — повторил он, и в его голосе звучало глухое недоумение человека, который так и не получил ответа. — Никто не знал, почему. Алмазные Целители всегда жили обособленно, вдали от всех, и когда они уходили — они не объясняли причин. Мы просто... потеряли её след.

Он замолчал, и я увидела, как дрогнули его пальцы. А потом он поднял глаза на меня — и в них была та самая растерянность, которую я впервые заметила там, в библиотеке.

— Только теперь, когда ты оказалась здесь, я начинаю понимать. Тёмные... они охотились за ней. И то что ты появилась здесь, это не может быть совпадением. — Он осёкся и замолчал, глядя на меня так, будто только что сложил куски головоломки, которые лежали перед ним годами.

В голове звенело. Обрывки воспоминаний — бабушкины страхи, её вечные предостережения, печаль в глазах, которую я тогда списывала на возраст, а теперь понимала совсем иначе, — всё это складывалось в картину, от которой захватывало дух. Она бежала. Не просто ушла — бежала, спасая меня. И её страх, который я детской душой принимала за странность, был не странностью, а единственным, что сохранило нам жизнь.

— Вот почему, — выдохнула я, и голос прозвучал хрипло и беспомощно.

— Да, — его ответ был безжалостным и чётким. — Ты не случайность, Лилия. Ты — наследница. И их главная цель.

Тишина, повисшая после этих слов, была густой и тяжёлой, как воздух перед грозой. Он видел, как я разваливаюсь на части, и его рука поднялась — медленно, давая мне время отпрянуть, — и большой палец, грубый от мозолей, с невероятной нежностью смахнул слезу, о которой я сама не подозревала.

— Мне жаль, — прошептал он. — Что твоё наследие принесло тебя сюда. Что лишило выбора.

— У меня никогда и не было выбора, правда? — голос сорвался. — Ни там, ни здесь.

— Выбор есть всегда, — его пальцы всё ещё касались моей щеки, и это странным образом успокаивало. — Просто иногда он не в том, чтобы избежать судьбы, а в том, как её принять.

В глубине души что-то дрогнуло, надломилось и потянулось к нему — к его силе, к его честности, к его собственной боли. Это было страшно и необратимо. Он медленно опустил руку и взял мою, и его пальцы сомкнулись вокруг моих — крепко, но не сковывая. Это было не владение. Это была опора.

— Пойдём, — сказал он тихо. — Я провожу тебя.

Глава 10

Я осталась одна в своих покоях, и гнетущая тишина, которая раньше казалась просто пустотой, теперь давила на уши, словно вакуум, — плотная, неподвижная, заполненная только отзвуками того, что я узнала о себе за этот вечер. Груз откровений тянул ко дну, как камень на шее, и перед глазами всё стоял образ не бабушки, которую я помнила с детства, а Величайшей Целительницы Мариэллы Алмазной — женщины, спасшей отца Артикина, женщины, за которой охотились Тёмные, женщины, которая бежала в другой мир, спасая меня. Вся моя жизнь, каждый её спокойный день на Земле, каждая бабушкина страшилка о том, что дар нужно скрывать, — всё это оказалось не просто предосторожностью, а частью огромной, тщательно выстроенной лжи, которая защищала меня.

Усталость накатилась внезапно, и я едва помнила, как доплелась до купальни, сбросила платье и погрузилась в горячую воду. Она обожгла кожу, растеклась по мышцам, но была бес- силна смыть одно-единственное ощущение, которое впечаталось в память ярче всех остальных: шершавую, удивительно нежную подушечку его пальца на моей щеке. Я закрыла глаза, всё ещё чувствуя это прикосновение, а когда открыла — заставила себя встать, вытереться и добраться до кровати. Чёрное, беспросветное забытие, лишённое снов и видений, поглотило меня с головой, едва голова коснулась подушки.

Утро пришло вместе с жидким золотом двух солнц, робко пробивавшимся сквозь окон- ное стекло, и деликатным стуком в дверь — тем самым, который я уже успела запомнить и который означал, что Анна принесла завтрак.

— Лилия? Вы не спите? Можно войти? — донёсся из-за двери её мягкий, заботливый голос.

— Заходи, — мой собственный голос прозвучал хрипло от сна, и я откашлялась, при- поднимаясь на подушках.

Дверь отворилась, впуская в комнату соблазнительный аромат свежеспечённого хлеба, цветочного мёда и чего-то терпкого, травяного — похожего на чай. Анна подошла к кровати с улыбкой и поставила передо мной резной деревянный поднос, на котором дымились глубокая миска с душистой пшённой кашей, усыпанной рубиновыми ягодами и орехами, а рядом лежали румяные булочки.

— Каша по нашему особому рецепту, с мёдом и лесными дарами, — сказала она и, лукаво подмигнув, добавила: — У нас говорят: хочешь быть сильным, как дракон, — ешь как дракон.

Я не смогла сдержать ответной улыбки. Запах был умопомрачительным, и один лишь вид еды заставил мой желудок предательски заурчать.

— Спасибо, Анна. Пахнет потрясающе. Эх, жаль, кофе тут нет... — вырвалось у меня почти бессознательно, с тоской по привычному утреннему ритуалу.

— Ко-фе? — служанка на мгновение нахмурила лоб, пробуя незнакомое слово на вкус, а затем рассмеялась. — Наверное, это что-то из вашего мира! Вы обязательно должны как- нибудь рассказать мне о нём! А пока — господин Артикин перед отбытием велел передать вам вот это.

Она протянула мне небольшую, но удивительно тяжёлую шкатулку из чёрного бархата. Я открыла её, и дыхание застряло в горле. На мягкой подкладке лежал браслет невероятной красоты: тончайшее серебряное плетение, напоминающее ажурное крыло дракона, а в центре — единственный камень тёплого, медово-коричневого оттенка, в точности повторявший цвет моих глаз. Он словно светился изнутри тихим, сдержанным светом.

Пальцы сами, помимо моей воли, потянулись к нему и едва коснулись холодного металла. Но я не надела браслет. Вместо этого опустила крышку шкатулки с тихим щелчком и отставила её на столик. Этот дар был слишком личным, чтобы принять его сгоряча, пока в душе ещё

бушевала буря противоречивых чувств. Но сердце всё равно сделало в груди непроизвольный, тревожный скачок.

— А где сам... — начала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно.

Лицо Анны мгновенно омрачилось, и улыбка растаяла без следа.

— Улетел ночью. Проклятые Тёмные маги снова напали на приграничную деревушку. Господин Артикин улетел с самым быстрым отрядом, чтобы попытаться отбить пленных.

— Спасибо, Анна, — я заставила свои губы растянуться в подобии улыбки, чувствуя, какой натянутой и неживой она получается.

Та кивнула и бесшумно удалилась, а я машинально принялась за еду. Каша и вправду была божественна — нежная, в меру сладкая, с хрустом орехов и кислинкой ягод, — но вкус почти не доходил до сознания, утонув в водовороте мыслей. На резном подоконнике, привлечённый запахом трапезы, бесшумно возник пепельно-серый кот. Он уселся в луче солнца, обвил хвостом лапы и уставился на меня своими раскосыми изумрудными глазами-щелями, полными немого вопроса.

— Ну, привет, — пробормотала я и потянулась, чтобы провести ладонью по его мягкой шерсти.

Кот громко и глубоко заурчал, словно миниатюрный моторчик, и спрыгнул на пол, чтобы потереться о мою ногу, выгибая спину.

— Я не могу просто сидеть без дела. Не для этого потратила столько лет на учёбу. Здесь же должен быть лазарет? Где я могла бы принести хоть какую-то пользу?

Кот отстранился, посмотрел на меня очень внимательно, будто действительно понял каждое слово, затем развернулся и сделал несколько чётких шагов к двери. Там он остановился и обернулся, вопросительно глядя на меня через плечо.

— Ты... что, хочешь, чтобы я пошла за тобой? — в моём голосе прозвучало недоверие, но странное чутьё подсказывало, что это не было шуткой. — Подожди немного!

Я бросилась вглубь покоев. Мысли путались, но руки действовали на автомате, совершая давно заученные утренние ритуалы. Плеснула в лицо холодной воды из медного таза — вода освежила, прояснила сознание, смывая остатки тяжёлого сна. Быстро расчесала волосы и заплела их в простую, тугую косу, чтобы не мешались. Затем накинула самое простое и практичное из имеющихся платьев — тёмно-серое, без лишних складок и украшений, с длинными рукавами, которые можно было закатать.

Взгляд на последнюю секунду задержался на бархатной шкатулке на столике. Я провела пальцами по гладкой крышке, но открывать её не стала. Не сейчас. Сейчас нужно было идти.

— Ладно, я готова, — объявила я, возвращаясь к двери, где кот с поистине королевским терпением ожидал меня, умывая лапу. — Веди.

Мой пушистый охранник уверенно повёл меня по коридорам, но вскоре свернул в узкий, слабо освещённый проход, спустился по крутой винтовой лестнице и замер перед неприметной, простой дверью. Из-за неё доносились приглушённые голоса, слышался звон стекла и витал стойкий запах целебных трав и чего-то резкого, химического — настоящий запах антисептики и тяжёлой работы. Это был стопроцентно не аромат роскоши и власти. Это был запах реальности.

Кот уселся у самой двери, демонстративно вылизывая лапу, всем своим видом говоря: «Миссия выполнена. Дальше сама».

Я сделала глубокий вдох и вошла. Целительский блок оказался длинным, просторным помещением, заставленным рядами коек. Повсюду стояли столы, заваленные пузырьками, ступками, сушёными травами и свёртками с бинтами. И повсюду были люди. И не только люди — несколько очевидно драконьих мужчин в походной одежде со свежими, плохо перевязанными ранами. А в центре этого контролируемого хаоса, словно дирижёр трагического

оркестра, парила Лира. Её серебряные косы, словно живые, развевались за спиной, а белые глаза мгновенно нашли меня в полумраке.

— Госпожа? — в её голосе прозвучало неподдельное удивление. — Вы ищете владыку? Его нет в цитадели.

— Нет, я... — я обвела взглядом переполненный лазарет, и что-то давно забытое и родное сжалось в груди. — Я искала вас. Вижу, у вас здесь не протолкнуться. На Земле я была лекарем. Если мои руки и мои знания могут быть хоть чем-то полезны... я буду рада помочь.

Лира замерла на мгновение, её незрячий взгляд будто сканировал меня насквозь, взвешивая все «за» и «против».

— От помощи опытного лекаря никогда не откажусь, — наконец произнесла она, и в её голосе впервые прозвучали ноты не снисхождения, а скорее уважения. — Если для вас это не в тягость. Здесь, поверьте, каждая пара рук на вес золота.

— Мне не в тягость, — я искренне улыбнулась.

Она кивнула в сторону дальнего стола, заваленного материалами.

— Там готовятся перевязочные пакеты. Пропитайте их этим голубым раствором — он обеззараживает и снимает воспаление.

Я кивнула и сразу же включилась в работу. Привычные, отточенные движения успокаивали нервную дрожь в руках. Запах лекарств возвращал меня в родные стены больницы, к самой себе — той, которой я была до всего этого.

Мой первый пациент оказался молодым драконом с плечами богатыря и безрассудной ухмылкой. Глубокий порез на его предплечье выглядел зловеще, но он, казалось, вообще не обращал на него внимания. Чешуйки на скулах, отсвечивавшие медью даже в человеческом облике, поблёскивали при каждом его движении.

— Ну что, лекарь с далёких земель, — проворчал он, увидев меня с перевязочными материалами. — Готовьте свои самые страшные снадобья. Только предупреждаю — я громко кричу от розового масла.

Я не могла сдержать улыбки.

— Постараюсь обойтись без розового масла. Но если будет больно — можете ругаться. Говорят, это помогает.

— Ругаться? — он театрально поднял бровь. — Леди, после того как горный ящер попытался откусить мою руку, эта царапина — мелочь. Делайте, что должны.

Когда я обрабатывала рану голубоватым раствором, он лишь слегка поморщился, но не перестал болтать.

— Так вы правда с того света, где драконов нет? — поинтересовался он, с любопытством разглядывая мои манипуляции. — Как же вы там вообще выживаете без нашей очаровательной чешуи и умения поджаривать врагов до хрустящей корочки?

— Кое-как выживаем, — улыбнулась я, накладывая повязку. — Скажите, а правда, что драконы быстро восстанавливаются? Эта рана уже выглядит лучше, чем пять минут назад.

— О, это ещё что! — он самодовольно выпрямился. — От обычных ран — да, мы заживаем быстро.

Следующим пациентом оказался старый воин, лицо которого было картой былых сражений. Он молчал, пока я обрабатывала его новую рану на груди, лишь изредка морща нос, когда антисептик касался особенно глубокого места.

— Почему так много раненых? — осторожно спросила я, завязывая повязку. — Это всё после вчерашнего нападения?

Он хрипло выдохнул, и его голос звучал как скрип старого дерева:

— Вчерашнего? Дитя, это не одно нападение. Это война, которая не прекращается никогда.

В этот момент подошла Лира.

— Он прав, — её голос прозвучал тихо, но с железной твердостью. — Но хуже всего — их клинки Пустоты. — Она провела рукой над раной старого воина, не касаясь её. — Обычная рана заживает. Их рана... живёт. Магия Тьмы отравляет саму плоть, разъедает её изнутри. Она замедляет естественное исцеление в десятки раз. — Лира опустила руку, и в её обычно непоколебимом голосе я впервые услышала нечто похожее на смиренную беспомощность. — Мы можем бороться с симптомами, облегчать боль, но исцелить это... Практически невозможно.

Тишина, повисшая после её слов, была громче любого крика. Именно в тот момент я настоящему поняла, с чем они сражаются. И почему мой дар был так важен.

Позже мы ненадолго присели перекусить в тихом углу, заставленном склянками с приглушённым свечением. Разговор зашёл о методах исцеления. Я, оживившись, рассказала о рентгене, УЗИ, лабораторных анализах — всех тех чудесах моего мира, что позволяли заглянуть внутрь тела, не повредив кожу.

Лира слушала с неослабевающим вниманием, её глаза были прикованы к моему лицу.

— Удивительно, — прошептала она, когда я закончила. — Вы дробите целое на части, чтобы понять его. Мы... идём иным путём. Мы учимся видеть целое, не разбирая его. — Она мягко коснулась моей руки. — Позвольте показать.

Её пальцы легли мне на виски. Не было ни вспышки, ни боли — лишь плавное погружение, как в тёплую воду. И вдруг я увидела. Не глазами, а всем существом. Я ощутила ток крови по своим сосудам, упругий ритм мышц, лёгкое покалывание в кончиках пальцев. Это было не изображение на экране — это было живое, дышащее картой моего собственного тела, проявленное в сознании.

— Обалдеть! — выдохнула я, пытаюсь осмыслить это. — Это... прямое восприятие? Вы считаете саму жизненную силу?

Лира мягко убрала руку, и видение исчезло, оставив после себя лишь эхо.

— Можно и так назвать, — её губы тронула улыбка. — Мы ищем не повреждение, а искажение в потоке энергии. Источник проблемы всегда светится иначе. Громче или тише.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась, ударившись о стену. В помещение, почти внося на плечах, ворвались Тайрен и другой, совсем юный на вид дракон. Они бережно, но стремительно уложили на единственную свободную койку своего товарища. Тот не стонал, а хрипел, и его лицо было цвета пепла. На боку, чуть ниже рёбер, зияла ужасающая рана. Её края были не просто чёрными — они были живыми, шевелящимися, и от них струился тонкий, ядовито-зелёный дымок, от которого слезились глаза и першило в горле.

— Лира! Его клинком Пустоты ранили! — выкрикнул Тайрен, и его обычно насмешливое, живое лицо было искажено гримасой ужаса и боли за друга.

Лира уже была рядом. Она провела руками над раной, не касаясь её, и её и без того бледное лицо стало абсолютно прозрачным.

— Пустота... — прошептала она. — Она уже в сердцевине кости. Я могу... лишь немного замедлить. Облегчить агонию. Исцелить это... — она медленно покачала головой. — Шансов нет. Я не могу.

Её слова повисли в воздухе, леденящие и бесповоротные, как приговор. В глазах молодого дракона, что пришёл с Тайреном, плескался животный ужас. Тайрен сжал кулаки так, что кости затрещали, беспомощно глядя на угасающего друга.

И тогда я почувствовала это. Тихое, но неумолимое тепло в груди разгоралось в настоящий пожар. Тот самый дар, что я всю жизнь прятала и глушила, теперь рвался наружу, видя боль, чувствуя приближающуюся смерть. Он требовал действия.

Я отставила пропитанный бинт и подошла к койке, оттесняя окружающих.

— Позвольте мне, — произнесла я тихо, но так, чтобы меня услышали сквозь общий гул. Голос не дрогнул ни на йоту.

Лира резко обернулась ко мне, её белые глаза расширились.

— Госпожа, ваши силы... вам нельзя так безрассудно растрачивать их! Это слишком опасно!

— Я должна попробовать, — сказала я, и в моём голосе прозвучала не просьба о разрешении, а констатация свершившегося факта.

Лира, сражённая этой новой, железной интонацией, замерла на мгновение и молча отступила на шаг, давая мне пространство.

Я закрыла глаза и перестала думать. Остался только мужчина, чья жизнь утекала сквозь пальцы прямо передо мной. Я чувствовала ту самую Силу Жизни — тёплую, золотую, всепобеждающую реку, — и просто открыла ей шлюзы.

Свет хлынул из моих ладоней, окутывая страшную рану. Он не был слепящим или агрессивным — он был мягким, глубоким, солнечным. Он был самой жизнью. Зловещий чёрный налёт затрещал и начал рассеиваться с тихим шипением, словно тьма перед неизбежным рассветом. Плоть под ним стала на глазах затягиваться, мертвенно-серый цвет кожи сменился на здоровый, розовый. Хриплое дыхание раненого выровнялось, глубокий стон облегчения вырвался из его груди.

Я чувствовала, как силы покидают меня, но это была приятная, праведная усталость сапёра, обезвредившего бомбу. Это была не цена, а награда.

— Довольно, — на этот раз голос Лиры звучал не резко, а с безмолвным, почти религиозным благоговением. Она осторожно коснулась моего плеча. — Его жизнь уже вне опасности. Остальное — уже моя работа. Не истощайте себя полностью.

Я разомкнула ладони, и свет погас. Мир поплыл перед глазами, я качнулась, и Тайрен тут же подхватил меня под локоть, не давая упасть. Его лицо было бледным, а в глазах читался не просто шок, а настоящий, бездонный трепет.

— Алмазная Целительница... — прошептал кто-то из помощников Лир, и этот шёпот подхватили другие.

Я смотрела на свою работу. Рана всё ещё была красной и воспалённой, но теперь это была просто тяжёлая, но обычная рана. Я сделала это, не инстинктивно, не в порыве страха или ярости, а осознанно, по собственному выбору, по зову сердца.

Лира уже склонилась над драконом, её руки засветились привычным, но не таким мощным светом, доделывая работу. Обессиленная, я отступила к стене и опустилась на грубый деревянный стул в углу. Голова тяжело упала на сложенные на столе руки. Последнее, что я почувствовала, прежде чем провалиться в сон, — это тихое мурлыканье и мягкое трение кошачьей шерсти о ногу.